

Колдовские Миры

МАГИНЯ ДЛЯ ЭМИССАРА

НАДЕЖДА КУЗЬМИНА

Надежда Михайловна Кузьмина

Магиня для эмиссара

<http://www.litres.ru>

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5827886

Кузьмина Н. М. Магиня для эмиссара : Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-60430-2

Аннотация

В сказках всё заканчивается свадьбой. В жизни же то, что начиналось свадьбой, часто заканчивается разводом. Что делать юной магине Алессите, решившей уйти от мужа и очутившейся на улице без гроша и крова? Да ещё беременной и не способной пользоваться магией? Единственный выход – искать работу... Уж такую, на какую возьмут, и не привередничать. Только если круто меняешь судьбу, вряд ли первый поворот окажется последним. Скучная и безопасная служба домоправительницы в доме архивариуса оборачивается совершенно неожиданной стороной, да и сам чопорный зануда хозяин, похоже, совсем не тот, за кого себя выдаёт. А как равнодушно пройти мимо тайны, оказавшись рядом?

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	30
Глава 4	46
Глава 5	65
Глава 6	86
Глава 7	107
Глава 8	126
Часть вторая	144
Глава 1	144
Конец ознакомительного фрагмента.	153

Надежда Кузьмина

Магиня для эмиссара

*Посвящается моим друзьям и близким:
Маргарите, Виктору, Юрию, Оксане, Софье*

Часть первая

Салерано. День корабля

Глава 1

*В одном вопросе мужчины и женщины,
безусловно, согласны между собой: и те и другие не
доверяют женщинам.
Г. Л. Менкен*

Пять минут назад я, беременная на шестом месяце, ушла от мужа.

Скажем прямо – ещё двадцать минут назад я ничего такого экстремального не планировала. Шла себе с рынка вверх по нашей улочке, переваливаясь как утка, несла корзину со свежей зеленью и яйцами и – в другой руке, в отдельном пакете – зело вонючую рыбу миренью, которую в жареном виде

обожал Андреас. Решила – порадовать мужа. Духовитость миреньи искупалась нежностью её белого, с розоватыми прожилками мяса. Правда, чистить этот «деликатес» было удовольствием сильно ниже среднего – мелкие чешуйки щетинились колючими иглами, вымазанными в едкой зеленоватой слизи.

Служанки у нас не было: при ежемесячных выплатах за дом мы – два начинающих мага, один из которых в данный момент не способен колдовать, – позволить себе прислугу не могли. Так что готовить миренью предстояло мне самой. Как и резать лук, управляться с печью, чугунной сковородой и всё такое прочее...

До замужества я и не представляла, сколько приходится возиться на кухне состоящей в браке женщине. Ведь юные девицы, как известно, питаются бутербродами, яблоками и конфетами, запивая их шоколадом. Как те самые птички, с которыми девушек часто сравнивают – поклевали и полетели... Самое замечательное в таком образе жизни то, что после вообще не остается грязной посуды: одна чашка – и всё!

Посмотрев на начавшее хмуриться небо – гроза, что ли, собирается? – поднялась по трём серым каменным ступеням к дверям, поставила на крыльцо корзину. Вытащила пристёгнутый на длинную цепочку бронзовый ключ. Дом был старинным, двери – тёмного дерева, высокие, двойные, а замок – с норвом. Нужно было привалиться плечом или хотя бы прижать створку коленом, тогда ключ легко проворачивался.

Прихожая была под стать дверям – гулкая, с высоченным потолком. Разогнать сумрак в ней не могли даже два светильника, которые я зажигала по вечерам. А сейчас – когда свет скупо падал через круглое застеклённое окошко над входными дверями – и вовсе приходилось передвигаться на ощупь. Зайдя на кухню, положила на стол пакет с рыбой. Поставила корзину на табурет рядом. Ополоснула руки в тазу с прохладной водой – хорошо-то как! Сейчас загляну наверх, переоденусь в домашнее, полчаса отдохну и возьмусь за готовку.

Медленно поднялась по лестнице на второй этаж, где находились три спальни и кабинет мужа. Обычно днём, если Андреас не ходил по клиентам, он работал там. Мы вложили оставшиеся от первого вклада за дом деньги в обустройство кабинета. Муж разумно полагал, что, если хочешь, чтобы тебе хорошо платили, – произведи хорошее впечатление. Так у нас появился огромный – три на пять локтей – письменный стол с красовавшимися на нём вычурными бронзовыми лампой и пресс-папье, дорогой бордовый ковёр на полу, бархатные портьеры ему в тон, кожаные кресла и тёмные шкафы, заставленные книгами с тиснёными сафьяновыми корешками и всякой околوماгической ерундой вроде хрустальных шаров, кварцевых друз, реторт с цветными жидкостями и неопознанных костей. На непосвящённых обстановка действительно производила впечатление. А вот мой бывший научный руководитель, который, будучи в Салерано проездом,

заглянул в гости, сморщил нос от смеха. Андреас тогда обиделся.

В кабинете мужа не оказалось. Жаль – я соскучилась...

Пройдя к нашей спальне, повернула ручку двери, открыла, шагнула – и застыла с занесённой над порогом ногой, не веря глазам.

В кровати лежали двое. Точнее, не просто лежали. Голый Андреас, с запрокинутой головой и рассыпавшимися по плечам светлыми волосами раз за разом прижимал к постели мою бывшую согруппницу по магической семинарии Орсетту. Чёрные волосы Орсетты разметались по подушкам, белая рука порхала по спине мужа, поглаживая поясницу...

Наверное, я ахнула. Потому что они замерли. А потом повернули головы ко мне. Первой открыла рот Орсетта:

– А, вот и корова пришла!

Что-о? Ну да, лодыжки у меня стали последнее время отекать. И сама я набрала пару лишних стоунов¹. Но ведь такое естественно во время беременности, разве нет?

Оскорбление было настолько неожиданным и незаслуженным, что я почувствовала, как на глаза наворачиваются слёзы. С отчаяньем уставилась на мужа. Пусть прогонит её! Пусть скажет, что это – ошибка, что любит меня... попросит прощения, наконец!

Но он не делал ничего. Даже не слез с неё, оставаясь на

¹ Стоун – мера веса, равная примерно полутора килограммам.

ней и – в ней. Просто молча смотрел на меня... и всё.

А я смотрела на них. Пока не запомнила всё – каждую деталь: скинутое на пол одеяло, её розовый чулок, сброшенной змеиной шкуркой повисший на спинке кровати, капельки пота и слипшиеся завитки волос на лбу мужа... А потом отступила в коридор, потянув за ручку дверь. И прислонилась к стене, пытаюсь прийти в себя, отдышаться и осознать случившееся. А ещё – хоть не хотела – невольно прислушивалась.

Из-за двери раздался смех моей – теперь уже бывшей – подруги...

Вот что я теперь должна делать? Приволочь с кухни сковороду и закатить скандал с воплями, слезами и рукоприкладством? Не могу... противно это. А ещё – поняла внезапно, как озарило, – не могу и не хочу больше оставаться в этом доме.

Отлепившись от стены, побрела в комнату, куда перебралась с тех пор, как четыре месяца назад по утрам стал терзать утренний токсикоз. Чтобы не будить Андреаса, часто засиживавшегося с книгой за полночь, ага. Войдя, хотела присесть на кровать – надо же подумать, что делать дальше? И поняла – сяду и застряну. Начну рыдать, жалеть себя... туфли захочется сбросить. А потом опухшие ноги назад не втиснешь. Да и истерика исправить случившееся не поможет. А злость – отличный стимул для великих свершений!

Повернулась к кровати спиной, оглядывая комнату: что я должна взять? Хм-м. Не что должна, а что могу уволочь. Да и делать всё надо быстро, пока пара голубков ещё в спальне.

Как бы в подтверждение моих мыслей за окном предупреждающе громыхнуло. Вот напасть, только ливня и скользких мостовых мне не хватало!

Первая реакция – спонтанная – самая честная. Андреас не оттолкнул Орсетту, не защитил меня. Хотя ясно, он-то к бабским склокам да к тому, что из-за него чуть не дерутся, – привык. До нашей свадьбы за ним хвост девиц таскался. Такой кавалер – высокий, видный, гордый, с чуть горбоносым породистым профилем, с пронзительным прищуром синих глаз. Вёл себя как герцог крови – смотрел на всё чуть свысока... и, казалось, будто он имеет на это право. И неважно, что как маг он был не особо силён. Зато поставь рядом Андреаса и моего наставника, и всякий скажет: «Вот этот – да, настоящий маг. А тот дядька – скорее небогатый дворянин или учитель лица».

Я рядом с красавцем-мужем смотрелась бледно. И вначале не могла поверить, что он – солнце нашей семинарии – благосклонно решил обратить внимание на самую обыкновенную заурядную девицу, синий чулок четвёртого года обучения – Алесситу лен Ориенси. Но Андреас был настойчив, ласков, мил... и всего через три месяца я – сама не поняла как – оказалась Алесситой лен Тинтари, женой божества. До звёздочек в глазах влюблённой в свежеиспечённого мужа.

Спустя полгода мы получили дипломы практикующих магов и – Андреас решил, что в глуши нам делать нечего, а в столице нас пока никто не ждёт – отправились в Салерано – стоящий на берегу синей бухты второй по величине город Таристы. Здорово помогло небольшое наследство, доставшееся мне от матери, – мы сразу смогли внести первую треть стоимости дома, из которого теперь я собиралась уйти.

Сейчас, думая о своей беспросветной глупости и наивности, мне хотелось постучаться головой о стену. Но что толку-то?

Я так его любила, так гордилась, что он выбрал именно меня, так старалась быть хорошей женой, что не замечала очевидного, старалась не спорить ни по какому поводу, соглашалась со всем, что предлагал Андреас. Наставник советовал мне остаться в семинарии – учиться у него дальше, но Андреасу делать в небольшой Виэнии было нечего – и мы уехали. Когда понадобилось платить за дом, я пошла в местное отделение банка, сняла наследство мамы, к которому не прикасалась всю учёбу, и в бархатном синем кошельке – из рук в руки – отдала мужу. Ведь тот обмолвился, что, если платить стану я, для него это будет унижительно, его поднимут на смех, скажут, что он семью содержать не может, сидит на шее у жены. Так что под купчей оказалась его – и только его – подпись. А остатки денег ушли на бордовые шторы в кабинете.

Потом меня убедили, что ходить по потенциальным кли-

ентам вдвоём – глупость. Ибо, во-первых, мужчинам платят больше. Во-вторых, нужен достойный, дорогой, солидный гардероб – тогда можно запрашивать за услуги дороже. А одеть женщину – при ширине-то наших юбок – затратнее, чем двух мужчин. В-третьих, в купленном доме с обустройством и ремонтом дел полно – а кто этим станет заниматься, если он на работе? И, наконец, какой мне смысл перебегать дорогу собственному мужу, создавая репутацию сильной магии, если, забеременев, я не смогу колдовать? Карьеру должен делать именно он, Андреас, мужчина, хозяин, кормилец. Так же будет лучше для семьи, правда?

Я соглашалась со всем...

И вот досоглашалась. Денег нет, работы нет, знакомых почти нет, никаких прав ни на что нет. Всё, что есть, – внезапно наступившее прозрение, что любовь не только слепа, но и зла. Или это она зла к слепым?

Очень смешно, ага.

Вытянув из-под кровати потёртый ковровый саквояж, распахнула шкаф. И хмыкнула. Ещё одно прозрение: год с лишним замужем – и ни одного нового платья! Все со времён семинарии. Ну как же можно быть такой дурой!

Всё это старёе тащить с собой смысла нет. Возьму что лучше и что влезет, свою шкатулку с мамиными бусами и серьгами, письма, пару тетрадей с конспектами. Свои книги, увы, мне уже не уволочь – слишком тяжёлые. И, что совсем плохо – денег тоже почти нет. Андреас сам вёл семейную

бухгалтерию. Платил из заработанного за дом, выдавал мне на хозяйство – ровно на неделю, причём за каждый соленья должна была дать отчёт, записав траты в толстую тетрадь, – а остаток клал на своё имя в банк, говоря, что копит на приданое малышу.

Так, что ещё, кроме платьев, мне надо? Обувь. Гм, та же песня – ни одной новой пары. Какой смысл покупать – я же никуда не хожу? Точнее, хожу только на рынок. А кто там на облупившиеся мысы да ободранные каблуки смотреть будет? А и увидят – так хорошо – лишнего заламывать не станут.

Взвесила саквояж на руке. Тяжеловато... А ещё же зонтик нужно прихватить. И плащ.

Вышла в коридор. Из спальни не доносилось ни звука. Умаялись и уснули, что ли? Хотя какая разница? В дверях кабинета меня озарило: зайдя, быстро пробежалась вдоль полок, собирая мелкое и ценное. Напоследок примерилась к пресс-папье в виде вычурного сфинкса с грудями-куполами. Тяжёлое, зараза! Ничего, до ломбарда дотащу!

Я уже добралась до прихожей, когда в голове возникла ещё одна мысль. Жутко дурная и хулиганская. Раньше я не стала бы делать такого ни за что. Но двадцать минут назад для меня отменили все правила, по которым я жила раньше, потому что мир рухнул.

Поставила у входной двери саквояж и порысила на кухню. Схватила пакет с сырой миреньей, вывалила тушки в полу-

пустой таз с водой. Достала деревянную скалку с тупым концом. И начала толочь рыбу – как была – в чешуе, с головами, непотрошёную. Через три минуты у меня был полный на две трети таз бурды. Серая жижа с черными ошмётками и плавающими по поверхности блёстками чешуи воняла куда духовитее, чем просто рыба. Отлично! Прихватила веник из угла и, осторожно подняв таз, отправилась вершить прощальную мечь.

Началá с гардероба мужа, где тот хранил свои расшитые бронзовой нитью – на золотую канитель у нас пока денег не было – парадные камзолы. Любимый – вишнёвого атласа – я полила сверху. Остальные щедро окропила веником, следя, чтобы не попасть себе на юбку. Настроение улучшалось с каждой минутой. Представила лицо Андреаса, зажимающего пальцами нос, и чуть не расхохоталась. Да-а, а с бытовой магией он не очень в ладу. И заклинание непростое, и сил на то, чтобы вывести такой аромат, нужно немало... Ничего, пусть Орсетту попросит. Та тоже не потянет, но вместе, может, и справятся.

Закончив с туалетами экс-супруга, навестила кабинет. Задерживаться не стала – а то вдруг выйдут из спальни не вовремя? Плеснула на парадный ковёр, на стол – надеюсь, зятая кожей середина столешницы испорчена непоправимо – и отправилась вниз – кропить гостиную и столовую. Остатки гнусной жижи аккуратно – тонкой струйкой – распределила по трём парам сияющих новой кожей мужниных сапог.

Вот теперь я поняла, зачем кошки писают по углам!

За дверью снова гроыхнул гром. Я, завязав под подбодком капор и застегнув плащ, подхватила свой саквояж и шагнула за порог.

Глава 2

Если что-либо не работает – стукните это хорошенько, если оно сломалось – ничего, всё равно нужно было выбрасывать.

Вдохнула полной грудью пахнувший озоном воздух. Подняла глаза – ага, на западе, над гаванью, зависла серо-синяя туча с косою дымкой ливня под ней. А тут, на холме, кажется, обойдётся – небо серое, но дождя пока нет. К запаху грозы примешивался резкий дух молодой тополиной листвы и что-то цветочное. Хорошо, что сейчас весна...

Хотела бросить ключ за спину, в прихожую, и захлопнуть дверь. Но, одёрнув себя, сунула его в карман – хватит уже порывов. Если выйдет, заберу потом книги – самой новые мне в ближайшие месяцы точно не купить.

Хихикнула. Но в следующие пару недель возвращаться сюда точно не стоит. Уже сейчас разит так, что скулы сводит и глаза слезятся. А то ли ещё будет, если не склонный к домоводству Андреас вместо тотальной чистки решит просто дать выветриться запаху, и заныканные по карманам и в складках штор ошмётки протухнут! Ведь сейчас же тепло, и уже начали летать мухи!

Оценив масштаб учинённого безобразия, прибавила шагу. Вот теперь я точно домой не вернусь. Иначе мне же всё

содеянное и исправлять придётся. Да ещё и извиняться...

Только куда это я так бодро шагаю?

Ответ пришёл – как упал с небес: в обитель сестёр Храма. И нужны мне были там две вещи. Первая – зайти в расположенный рядом с обителью Храм, чтобы, положив руку на ларец святой Яниры, при свидетелях поклясться, что своими глазами видела измену мужа, и подать заявление о расторжении брака. А второе – сёстры давали на три дня приют всякому, кто в том нуждался. Простая келья, хлеб с водой два раза в день – но сейчас мне большего и не надо. Только дойти бы... живот начало неприятно тянуть, а поясницу загломило.

А перед этим нужно ещё заглянуть в ломбард – избавиться от тянувшего почти на стоун грудастого сфинкса.

– Вы уверены, что эти предметы – не краденые? – мужчина поправил пальцем пенсне на длинном носу, уставившись на меня поверх него в упор.

Я постаралась ответить бестрепетным взглядом. Будет жмотничать – ничего, кроме сфинкса, на грудь которого он таранился через лупу уже целых пять минут, не получит. Остальные вещи легче – отнесу куда-нибудь ещё.

– Абсолютно. Сама покупала эту старинную бронзу за восемьдесят соленов у Мартинеса. И так дёшево было только потому, что вместе с ней шла настольная лампа.

– А лампа где?

– На столе стоит. А где ей ещё быть? Часто вы встречаете ньер, которые с лампами в руках по улицам ходят? – не сдержалась я.

Оценщик скривился, не оценив шутки.

– Так вот. Продать это можно за сотню – сами видите клеймо. Меньше чем за шестьдесят – не отдам. Или не поленюсь отнести к Мартинесу. Думаю, тот не откажется взять пресс-папье назад.

Ух ты! Оказывается, один полезный навык за время замужества я все же получила – после хождений по три раза в неделю на рынок торговалась я, как дышала, с невозмутимым лицом карточного шулера.

Пальцы торговца чуть сжались. Ага, хороший признак – отдавать не хочет.

– Даю сорок!

– Шестьдесят.

– Сорок пять.

– Давайте сюда. Хочу успеть к Мартинесу до дождя.

– Пятьдесят!

– Пятьдесят пять и забирайте!

– Ну, ньера, вы...

– Как и вы, любезный ньер, – улынулась я.

Неплохо, на десять монет больше, чем я рассчитывала. Вот только если предложить этой пиявке в пенсне остальное – он отыграется... Придётся зайти куда-нибудь ещё.

Не успела выйти на улицу, на нос упала большая капля.

Похоже, ливня не избежать.

Я оплакивать рухнувший брак не собиралась – пусть небо сделает это вместо меня.

Вообще, если бы не беременность, я бы и не беспокоилась – маг себя и защитит, и прокормит. Но из-за положения ситуация осложнилась – ведь мне нельзя было колдовать. Никто не знал, почему так происходит, но магические способности у детей магов появлялись лишь тогда, когда мать, вынашивая плод, сама не колдовала вовсе. Учёные мужи почесали затылки и создали теорию, что нерастраченное волшебство накапливается в женском организме, при переполнении оно перетекает в плод и пропитывает его. Звучало сущим бредом, но работало. Чем строже воздерживалась будущая мать от траты магии, тем сильнее оказывалась магическая жилка в ребёнке.

Андреас трижды пытался уговорить меня выручить его с заказами, преступив запрет. Два раза я согласилась – зачаровать брошь от потери – сущая безделица. Сложность тут только в длине самого заклинания и настройке его на владелицу. Сделать нетускнеющим серебро тоже нетрудно. Но когда муж принес домой золотой кубок, который некий купец решил преподнести градоправителю, – я в первый раз за все время супружества заартачилась. Чашу нужно было заколдовать так, чтобы всякий налитый туда яд становился безвредным. А это – скажу вам – не пальцами щёлкнуть. На

такое нужно выложиться до предела, и потом два дня магичить не сможешь. Я отказалась, сказав, что боюсь за ребёнка. Андреас обвинил меня в том, что я не думаю о семье, а он из-за меня потеряет важного клиента, который мог бы открыть нам двери во многие знатные дома. Скандал продолжался три дня. По вечерам я подолгу рыдала в подушку. Было это два месяца назад.

Нарушать запрет сейчас я не собиралась. Значит, будем искать пути, как прожить четыре месяца, его не нарушая. Вот кому нужна магиня без магии, зато с животом?

Полтора часа спустя я стояла в большом зале Храма, положив руку на чёрный каменный ларец святой Яниры. Сей артефакт нейтрализовывал любую защитную магию и не терпел лжи: соври – и ладонь тут же покроется волдырями от ожога.

– Итак, дочь, ты утверждаешь, что своими глазами видела измену мужа. Расскажи, как и когда это произошло, и не могла ли ты ошибиться?

Глаза пожилого храмовника смотрели сурово. Я уже поняла, что тот считал недопустимым и безнравственным, что женщина, которая по определению должна подчиняться и повиноваться, жалуется на супруга и повелителя. Вот только выбора у меня не было. А право по закону – было.

– Сегодня днём, вернувшись с рынка, я застала моего мужа в супружеской постели с другой женщиной. Точнее, на

другой женщине. То есть ошибки быть не могло, – произнесла я нарочито спокойным голосом.

– Я вижу, ты в тягости, а у мужчин есть потребности...

– Это не всё. Заметив мой приход, эта другая меня оскорбила. А муж не прервал её и не защитил меня. Он остался с ней. Я требую развода!

– Может быть, ты была плохой женой? И сама виновата в случившемся? Подумай – как будет расти ребёнок без отца?

Уже подумала. Справимся. Тем более – Андреасу я пока не говорила, сама узнала на днях – по всем признакам я ждала девочку. Так что имя его дедушки, которым муж собирался наградить наследника, всяко нам без надобности.

– Я хочу развода. По закону доказанная измена даёт мне такое право, – повторила я.

– Покажи ладонь!

Предъявила невредимую длань с твёрдыми бугорками мозолей под пальцами.

– Заявление принято и засвидетельствовано. Какое имя хочешь носить?

– Девичье. Алессита лен Ориенси.

– Заплати тридцать соленов – пошлину за подачу заявления о расторжении брака, ещё двадцать – за выдачу нового паспорта. Документы будут готовы через два часа. Следующий!

Недовольный храмовник отвернулся, уставившись в окно. По стеклу бежали потоки воды – ливень был в самом разгаре.

Два часа я просидела на деревянной скамье в коридоре, ломая пальцы. Обручальное кольцо с опухшего безымянного еле стащила, слюнявя и крутя перстень. Фыркнув, сунула его в карман, к ключу.

Наверное, правы те, кто говорит – что нельзя починить, не стоит и оплакивать... но, выходит, весь наш брак был ложью? Как примириться с тем, что светловолосому красавцу – гордости семинарии – нужна была не я – сероглазая Алесита с каштановыми косами, а наивная покладистая зубрила со складом полезных заклинаний в голове, сильной магией и приличным приданым? А как только я исчерпала полезность, игра в любовь закончилась. Но интересно, что он делает сейчас? Все ещё нежится рядом с довольной Орсеттой? Ой, вряд ли... думаю, амбре от миреньи пропитало уже весь дом и окрестности, собрав кошек и мух со всего холма.

Мысль о том, как разгневанный голый Андреас скатывается, зажимая нос, вниз по лестнице и въезжает босой пяткой в воняющий рыбьей требухой хлюпающий коврик, заставила зажмуриться. Ох, он, наверное, сейчас и зол!

Главное, чтоб меня не помчался искать. Хотя это тоже вряд ли. Скорее, будет ждать, пока сама приду с повинной. Ведь деваться мне некуда, да?

Ещё в голове крутилась мысль о деньгах. Я не рассчитывала, что расторжение брака обойдётся так дорого. Выходит, нехвати я бронзовую сфинксиху, даже бы развестись не

смогла! Но теперь денег осталось на неделю-другую жизни в недорогой гостинице, не больше.

Получив на руки новое удостоверение личности и свиток – свидетельство о разводе, вышла на улицу и раскрыла зонтик. До обители сестёр Храма недалеко – два поворота и одна улица – доберусь и попрошу убежища. Сёстры не отказывают никому. А сейчас главное смотреть под ноги, чтобы не поскользнуться на мокрой брусчатке.

Ещё через час сестра Керенис – спокойная пожилая женщина с добрым лицом – отвела меня в маленькую келью с крошечным окном, куда и кошке не пролезть. Стены некрашенные, шершавые, терракотового глиняного цвета. Пол каменный. Зато там была кровать. Узкая, с соломенным тюфяком – но я так вымоталась, что уснула бы и на камнях.

Оставив мне масляный светильник, жестяную кружку с водой и толстый ломоть серого хлеба, сестра Керенис молча кивнула и вышла из кельи. Я осталась одна. И хорошо – настроения разговоры разговаривать почему-то не было.

Задвинула щеколду. Сбросила туфли и ахнула – ноги в мокрых чулках опухли, как никогда прежде. И впрямь королева...

Пять минут спустя я, укрывшись своим плащом поверх тощего одеяла, лежала на постели, жевала безвкусный хлеб и сосредоточенно разглядывала трещины на потолке. А потом, доев, повернулась к стенке и уснула.

Часто люди обижаются на жизнь, говоря: «Я же делал всё правильно! Как же вышло, что я оказался в такой заднице?»

Только есть большая разница между «я делал всё правильно» и «я делал, как мне говорили старшие, начальники, родственники». Посмотри внимательно на их собственную жизнь – нравится ли она тебе? Согласен ли ты с таким «правильно»? Примерь – подходит ли тебе такое? А ещё поразмысли над тем, где в своей жизни они определяют место для тебя. Чем они руководствуются – твоим благом, некой абстрактной справедливостью или же попросту своими удобствами? И, если тебя что-то не устраивает, иди своей дорогой. Или терпи и не жалуйся.

Я жила чужим умом – вот и получила по заслугам. Закрывала глаза, слушалась без раздумий. Но ведь отказаться от выбора тоже значит сделать выбор...

И вот теперь я сидела на каменном бортике в крошечном саду из трех яблонь и, стараясь аккуратно вырисовывать буквы и не загибать строчки вниз, писала письма. Моей старой тётке Леонелле, с которой я поддерживала отношения, подруге по семинарии Виаланте – Вильке, с которой мы – душа в душу и все платья пополам – прожили три с половиной года в одной комнате в семинарии, и, наконец, учителю. Содержание посланий было одинаковым. Что адрес сменился,

и писать в Салерано, на улицу Трёх Жемчужин, больше не следует – писем я не получу. Как определюсь на новом месте – отпишусь сама. Закончила традиционными пожеланиями удачи и призыванием милости Рианнеса – покровителя магии.

Запечатав конверты, поднялась.

Сейчас отнесу их на почту, по пути куплю чего-нибудь поесть, а потом пойду к ратуше – именно там на стене вывешивали предложения работы для тех, кто в ней нуждался.

«Нужна покладистая трудолюбивая секретарша – помощница по хозяйству. Требования – грамотность, чистоплотность, порядочность, рекомендательные письма от прежних хозяев. В обязанности входит: содержать в порядке корреспонденцию, дом, одежду, огород, готовить на пять человек, ходить за покупками, шить. Оплата – проживание в доме на всём готовом, платье раз в полгода и один солен в день».

Это они серьёзно? Секретарь в огороде? Кажется, такое называется не секретарем, а подёнщицей. А ещё прачкой и кухаркой. М-да.

«Нужна образованная компаньонка с хорошими манерами для девушки семнадцати лет...»

Эх, пошла бы, но кто в здравом уме возьмёт для своей дочери беременную компаньонку?

«Требуется порядочная няня двум детям – мальчику девяти и девочке четырёх лет. Проживание в доме. Оплата – три солена в неделю. Рекомендации обязательны».

Интересно, сойдёт ли за рекомендацию мой диплом виэнской магической семинарии?

«Архивариус ищет домоправительницу без вредных привычек. Грамотность обязательна. Оплата по договорённости. Собеседование».

В принципе, это выглядело симпатичнее предыдущего. Детей я любила, но таскать на руках в своем состоянии четырёхлетнюю девочку вряд ли бы смогла. Как и гоняться за девятилетним мальчиком. А где живёт этот архивариус? Недалеко... и объявление выглядит свежим. Может, мне повезло, и место ещё не занято?

Считать ли беременность вредной привычкой?

Спорный вопрос.

Постучав три раза молотком в форме совы в чёрную дверь, встала, скрестив руки, в тени козырька. Ждать пришлось долго. Достаточно, чтобы рассмотреть во всех подробностях серую каменную стену старинной кладки и стоящий возле крыльца ящик с воспрянувшей после вчерашнего ливня геранью с сухими нижними листьями – похоже, поливали цветы не часто. Угол ближайшего к моему месту окна тоже просил тряпки. М-да... Неужели здесь тоже ищут секретаря с крепкой спиной и навыками поломойки? Я, конечно, могу... но хотелось бы такого счастья избежать.

– Вам кого? – Засмотревшись на грязное окно, я пропустила момент, когда дверь приоткрылась.

– Я хотела бы поговорить с ньером архивариусом по поводу собеседования на место домоправительницы.

На лице смотрящего на меня молодого человека появилась скептическая усмешка. Взгляд скользнул сверху вниз, и, похоже, вид растерянной девицы в помятом платье и стоптанных башмаках брюнета не вдохновил. Губы на длинном белом лице поджались. Сейчас откажет, не глядя, – поняла я.

– Я грамотна, имею опыт подобной работы.

Говорить постаралась спокойно, без дрожания или умоляющих ноток в голосе. Серый глаз прищурился.

– Ладно, заходите, архивариус вас примет.

Уф!

Странный какой-то. Слуга – не слуга. Одет небогато – тёмный камзол, чёрные брюки. Вот только уверенные жесты ухоженных рук в картину не вписываются. Неужели это и есть архивариус? Похоже, да.

Следуя за хозяином, зашла в большую сумрачную комнату справа от прихожей. По его знаку опустилась, держа спину прямой, на стул с деревянной спинкой. Руки сложила на коленях. И чуть наклонила голову, изобразив внимание.

– Давайте!

– Что давать? – не поняла я, захлопав глазами на усевшегося на край стола черноволосого.

– Рекомендации. Если вы работали, они у вас есть.

– Я вела хозяйство в доме родственников почти в течение года.

– Понятно, – скептически фыркнул черноволосый. – Ладно. Ваше имя?

– Алессита лен Ориенси.

Ага, удивила. Благородная, ищущая место прислуги.

– Откуда родом?

– Родилась в Кансаре на севере Таристы... – начала я.

– Я в курсе, где Кансара. Откуда прибыли в Салерано?

– Из Виэнии. Жила там пять лет. Тут – почти год, – отрапортовав, сама захлопнула рот.

– Возраст?

– Двадцать один.

– Семейное положение?

– Не замужем.

– Курите, пьёте, играете, болтаете, воруете?

Это он всерьёз? Наверное, округлившиеся глаза стали ответом. Архивариус фыркнул снова.

– Можете представить поручителей?

– Ньер Рассел лен Дилэнси. Он проживает в Виэнии.

– Маг? Кто он вам?

Он знает моего учителя?

– Наставник, мы с ним переписываемся. Он может дать мне рекомендацию.

Брюнет уставился на меня. Пристально, потом глаза подозрительно прищурились.

– Так вы – тоже маг?

– Да, я закончила виэнскую магическую семинарию. Вот

диплом, – достала свиток из широкого прорезного кармана юбки. Подлинность в удостоверении не нуждалась. Написанные на бежевой с золотой искрой бумаге дипломы магических учебных заведений были зачарованы так, что не мялись, не пачкались и выглядели свежее, чем мое вчерашнее свидетельство о расторжении брака.

Архивариус взял документ у меня из рук. Просмотрел подписи, список дисциплин, оценки... а потом уставился в упор:

– Ньера, вы беременны?

Ясно, сложил два и два. И сейчас выгонит. Кому нужна прислуга, которой самой нужна прислуга?

– Да. Я жду ребёнка, – и, не дожидаясь вопроса, добавила: – На шестом месяце.

– Муж?

– Мы развелись вчера.

Длинный белый палец задумчиво забарабанил по краю стола. Хотела бы я знать, что он прикидывает...

– Ладно. Попробуем. Испытательный срок – месяц. Когда сможете приступить к выполнению обязанностей?

– Я должна забрать вещи из обители сестёр Храма. Вернусь через час.

Раз желает общаться в деловой до лапидарности манере, постараюсь соответствовать.

– Жду вас через час. Вы удачно меня застали, обычно днём дома я не бываю.

Только выйдя на улицу, сообразила, что так обрадовалась тому, что меня берут, что не спросила про оплату. Хотя какая разница? Через четыре месяца, если всё будет в порядке, я снова смогу магичить и стану зарабатывать, как положено дипломированному магу.

По пути к обители сестёр Храма дала крюк, чтобы содрать объявление с доски на стене ратуши. Всё, место занято! И если бывшему придёт в голову меня разыскать, чтобы обсудить уместность размещения рыбьих голов по карманам парадного камзола, ни к чему облегчать ему жизнь.

Через пятьдесят минут я, держа в руках потёртый сакво-яж, снова стучалась в чёрную дверь.

Глава 3

Нет ничего более деморализующего, чем маленький, но постоянный заработок.

Э. Уилсон

– Раиндэлл лен Холт, – сообщил мне новый хозяин, едва впустив в прихожую. – Ваша комната на втором этаже, вторая справа. Основное правило: в кабинет без меня ни ногой! Если что-то нужно – дождитесь, пока я буду там, и спросите. Узнаю, что заходили самовольно, – выгоню сразу. Второе: в доме живёт моя бывшая кормилица – ньера Бетани. Она готовит и распоряжается хозяйством. К сожалению, в последнее время у неё сдали глаза, потому я вас и нанял. Так вот – слушайте её. В случае любого конфликта на улице окажетесь вы. Ясно?

Уж куда яснее.

Хотя то, что в доме есть ещё одна женщина, и то, что кухарить тут мне, похоже, не придётся, было скорее поводом для оптимизма, чем наоборот. Я уже накомандовалась и хозяйничалась на кухне по самое не хочу, мне хватит. Вопрос только один: если здесь распоряжается эта ньера Бетани, то что делаю я?

Пока Холт это барабанил, подчёркивая важность сказанного резкими движениями руки, мы двигались куда-то вглубь дома. Повернули – и оказались на большой кухне.

– Бетани! Ты тут?

Уж да. Здесь не только старушку, а пару лошадей в упряжке потерять можно. Две печи с конфорками сверху, столы и буфеты вдоль стен, длинный стол посередине, десятки сви-сающих с крючьев под потолком сковород, кастрюль, поварёшек... Вот куда всё это в частном доме? С таким надо ресторацию открывать!

– Рени! – на удивление ясный голос раздался откуда-то из недр большого шкафа. – Пирожки будешь? С шелковицей, как ты любишь!

Вот в чём, в чём, но в любви к пирожкам с шелковицей ньера Холта я бы заподозрила в последнюю очередь. Пред-ставить, как он отчитывает какого-нибудь торговца, сдуру обвесившего его на пару сэстоунов², и тот стоит, вытянув-шись по стойке смирно, и испуганно кивает на каждое сло-во, – это запросто. Вообразить, как архивариус со злобной гримасой перерезает кому-то глотку, – пожалуйста. Но пи-рожки?

– Бетани, я помощницу привёл. Зовут ньера Алессита. Оставляю её тебе – сама объясни, что нужно, – прихватил с блюда пару пирожков и, коротко кивнув, повернулся к двре-ри. – Да, ньера Алессита ждёт ребёнка, так что если приспи-чит опять сдвинуть большой шкаф, чтобы вытереть пыль, на её помощь не рассчитывай! – и, уже откуда-то из коридора: – Вернись к ужину!

² Сэстоун – мера веса, сотая часть стоуна, примерно пятнадцать граммов.

Я ещё растерянно хлопала глазами архивариусу вслед, когда совсем рядом раздалось:

– Ньера Алессита, значит? Ну, давай знакомиться. Я – ньера Бетани. Ну-ка повернись! Какой срок-то?

Наверное, ей было уже под шестьдесят. Крепкая, даже круглая, среднего роста, с аккуратным пучком на голове, в белом переднике поверх синего платья. На носу очки. Только толку от них было чуть – достаточно было один раз заглянуть в выцветшие голубые глаза, затянутые белёсой пеленой, чтобы понять суть проблемы – помутнение хрусталика, сиречь катаракта.

И, похоже, эта ньера не злая. Хотя уже через пару минут стало ясно, почему ньер Холт подозрительно спросил, не болтаю ли я, причислив говорливость к вредным привычкам наравне с выпивкой. Я не имела шанса вставить ни слова, зато за первые же три минуты успела узнать, что ньера Бетани одобряет длинные косы, но порицает нравы современных легкомысленных девиц, которые заводят детей, не имея надёжного мужского плеча рядом.

Наконец, мне предложили пирожок – я не стала отказываться, – дали час на обустройство и велели быть тут, на кухне, как справлюсь.

Уф!

Выбравшись назад в прихожую, подхватила свой саквояж и потопала искать лестницу на второй этаж. В комнату Си-

ней бороды, именуемую кабинетом, я твёрдо решила не со-
ваться.

К вечеру я уже более-менее представляла, что меня ждёт.
Вставать полагалось полвосьмого. Ложиться, соответ-
ственно, в десять вечера. Как можно дрыхнуть по десять ча-
сов, я не очень понимала, но решила, что найду, чем себя
занять. Например, стану вязать приданое дочке. Или читать
конспекты.

Дом был не так велик, как померещилось при первом зна-
комстве. Зато был почему-то Г-образным, что поначалу при-
водило к проблемам с ориентированием. Идёшь-идёшь по
прямой, и вдруг бац – перед носом стенка!

Выделенная мне комната оказалась лучше, чем я рассчи-
тывала. Два окна на закат, в сторону моря, кровать с просты-
нями тонкого полотна чуть не в три раза шире монастырской
и – самое замечательное! – собственная ванная комната. По-
хоже, мне выделили одну из бывших гостевых.

Пахать на мне, как я опасалась после знакомства со спис-
ком вакансий на стене ратуши, никто не собирался. Для на-
чала ньера Бетани выдала кипу толстых тетрадей, куда запи-
сывала траты:

– Сама уж не вижу, что пишу. Проверь-ка!

Открыв, я поняла, что тоже не вижу, что пишет ньера Бе-
тани. Ибо, похоже, достойная женщина не всегда воспомина-
ла о том, что перо полагается макать в чернильницу. М-да,

и что делать будем?

Изложила проблему. Посоветовавшись – я с инициативами не лезла, но осторожно предлагала возможные решения, – договорились поступить следующим образом: заводим новую тетрадь, заносим туда имеющуюся наличность, проводим инвентаризацию продуктов и хозяйственных принадлежностей, составляем список потребных закупок.

Ещё в перечень первоочередных дел занесли то, с чем ньера Бетани не справлялась из-за слабости зрения: мытьё окон и всего стеклянного в доме, включая подвески люстр, а также инспекцию хозяйского гардероба.

Первым же вечером после ужина архивариус щёлкнул пальцами:

– Ньера Алессита, следуйте за мной, есть разговор.

Мы пришли в ту же комнату, где беседовали в первый раз.

– Как зовут вашего мужа?

– Бывшего мужа. Мы официально разведены, – напряглась я. – Его имя – Андреас лен Тинтари.

– Ясно. Я верно понимаю, что вы не желаете с ним встречаться?

– Верно.

– У него могут быть к вам претензии имущественного толка?

Интересно, зачем он всё это спрашивает. Хочет знать, кого пустил в дом? Его право.

– Вряд ли. Он потратил на покупку дома, в котором живёт, наследство моей матери. Я забрала со стола бронзовое пресс-папье и сдала его в ломбард: полученных денег как раз хватило, чтобы оплатить расторжение брака. Поскольку мамины деньги мне не вернуть, считаю это взаимозачётом.

Брюнет покачал головой. Прищурился:

– А вы сильнее, чем кажетесь на первый взгляд. Интересно...

Похоже, архивариус узрел во мне какую-то загадку. Ну что же, взаимно. Я, например, никак не могла понять, сколько моему хозяину лет. От двадцати пяти до тридцати пяти – а сколько именно, фиг знает. А ещё он был слишком резким – как-то не так я представляла себе возящихся с кипами старых бумаг посреди уставленных древними фолиантами стеллажей архивариусов. Правильный архивариус – такой солидный неторопливый седой дядечка в очках и синих сатиновых нарукавниках, чтобы локти на камзоле не протирать. И носить должен башмаки с большими пряжками, а не сапоги до колен. А этот? Совсем не такой.

– Ваш бывший начал вас искать. Хотите, чтобы нашёл? Можно не сразу – пусть побеспокоится, понервничает – потом больше радость будет.

Задумалась. Ещё три дня назад я обмирала и таяла от одного взгляда Андреаса. Куда же всё так быстро подевалось? Я так резко разлюбила или просто обиделась? Как отрезало.

– Нет.

– Могу пустить слух, что вы уехали из Салерано. Хотите?

– Да.

Хлопнул ладонью по столу:

– Договорились.

Странный какой-то архивариус.

Или я разбираюсь в архивариусах как в мужьях?

Всё же слова о том, что Андреас пытается меня разыскать, встревожили. В первый же поход на рынок с ньерой Бет – так разрешила себя называть домоправительница – я прикупила басмы и перекрасила волосы в чёрный цвет. Среди местных уроженок две трети были брюнетками, так что маскировка казалось удачной. Вечером Холт фыркнул:

– Каштановый шёл вам больше.

Пусть скажет спасибо, что кожу грецким орехом темнить не стала – в какой-то момент эта явно больная мысль посетила голову.

Тёте и Виаланте я решила пока о себе ничего не сообщать. А вот наставнику отписала с нового адреса, сухо перечислив всё, что произошло.

Дела потихоньку шли на лад. Я привела – насколько удалось – в порядок тетради с хозяйственными расходами. Смысла в том, на мой взгляд, не было никакого. Кроме одного – теперь я была осведомлена, сколько платит Холт за десяток кусков лавандового мыла, а сколько – за дрова. Хмык-

нула – у меня выходило процентов на двадцать дешевле.

Потом перетёрла окна. Кроме кабинета на первом этаже. Двери туда я обходила по дуге. Чтобы ни-ни. Один раз свидетелем моего манёвра стал незамеченный Холт, довольно фыркнувший мне в спину. Кстати, ровно через неделю после прибытия хозяин выдал мне на руки десять серебряных соленов. Много! Я и не ждала...

– Вы не торговались, не трепали мне нервы и не тратили время. Кормилица вами пока довольна.

И замолчал.

В припадке благодарности я поинтересовалась, не могу ли быть полезной чем-то ещё?

Холт не ответил.

И заговорил сам ровно неделю спустя, отдавая мне в руки пришедшее от учителя письмо:

– Значит, вы сказали правду, и действительно состоите с Расселом лен Дилэнси в переписке. Что же, это солидная рекомендация. Возможно, вы могли бы мне кое в чём пригодиться.

Ну, возня с бумажками всяко лучше, чем потрошение сырой колючей и вонючей рыбы. К тому же за это мне платят!

С того дня Холт стал озадачивать меня работой – давал ежедневно на переписку три-четыре документа. В основном грузовые декларации каких-то судов. Я послушно округлыми буквами выписывала колонками ящики, кипы, тюки,

бочки, вязанки, меры и остальное, в чём измерялись грузы. Занимала эта деятельность два-три часа в день. Закончив, пересчитывала строки в подлиннике и своей копии, чтобы знать, что ничего не пропустила. Только непонятно, зачем эта ерунда архивариусу?

Иногда встречались незнакомые слова. Любопытствуя, я заглядывала в справочник. Ага, оказывается, бисквит берут в ящиках, потому что это не только пирожные, но и сорт фарфора. А кашемир – такая шерсть... Забавно – расширяю кругозор, а мне же ещё и деньги дают!

До конца испытательного месяца оставалось немного, когда мне показалось, что я нашла в бумагах несуразицу. Названия судов повторялись, а за некоторыми, имена которых мне особенно нравились – например, «Удачливая чайка» или «Жемчужная русалка», – я даже следила и радовалась, читая об их очередном успешном рейсе. А тут я смотрела на чайкины бумаги, и получалась ерунда – либо это не та чайка, либо она внезапно раздулась до размеров целого альбатроса – ни из одного прежнего похода она столько на себе не припирала. Промолчать или спросить?

Думала до вечера.

А вечером Холт прищурился на меня сам, забавно пошевелил кончиком длинного носа и изрёк:

– Ньера, кончайте ёрзать и изложите вашу проблему.

Ладно. Вряд ли меня сразу выгонят за любопытство?

– На «Удачливую чайку» не могло влезть двести бочек

масла и столько же тюков кашемира. Обычно она возила грузы, в полтора раза меньшие по объёму.

Взгляд серых глаз стал острым:

– Ну-ка, покажите!

Принесла бумагу и по памяти перечислила содержание прошлых деклараций. И, видя его интерес, сказала, что думала:

– Если я не ошиблась, то тут что-то незаконное. Не контрабанда – какой смысл платить пошлину с товара, который можно ввезти просто так? Я думаю, сам груз получен нечестным путём, но можно его обелить, если декларировать как легально привезённый откуда-то издалека и уплатить пошлину.

– Да, с контрабандой у нас строго. А вот пиратство никто не отменял, – кивнул Холт. И в первый раз за всё время мне улыбнулся: – Хвалю, ньера. Продолжайте в том же духе. Внимательность будет поощряться.

Обдумав за ночь порядок действий, утром я засела за составление сводной таблицы для каждого судна, с которым сталкивалась. Объём, грузоподъёмность – кажется, это называется тоннажем, – среднее время рейса. Последнее я решила вписать, потому что если вдруг окажется, что кто-то шибко резвый сплавал к островам Южной Физанты за пряностями трижды за тот же срок, за который другие еле успевают обернуться один раз, – это уже повод считать, что дело

нечисто.

Задумалась – как поступить с датами рейсов? Писать все подряд в порядке поступления документов – значит превратить данные в нечитаемую кашу. Почесала нос, немного поразмышляла. И решила сделать слева колонку по годам – на каждый пять-шесть строк хватит – корабли же плавают, а не летают!

После завтрака показала разлинованный гроссбух Холту. Тот молча кивнул, кинул: «Ждите!» – и через пять минут приволок мне здоровенную коробку, полную грузовых деклараций.

М-да, это займёт меня надолго...

Холт, взглянув на моё лицо, скептически фыркнул и вышел из комнаты.

Позаимствовав у тётушки Бет большую корзину – для обработанных документов, – принялась за дело. Часа через три решила, что хватит, нужен перерыв: поясницу ломит нестерпимо, а ног не чувствую – затекли. Отложила тетрадь, заглянула в корзину – посмотрела на скудные плоды трудов праведных, вздохнула. Запрокинув голову, потянулась – чем бы полезным заняться для разминки? Взгляд уткнулся в пыльную люстру с мутными подвесками, тускло отсвечивающую надо мной на высоте семи локтей³...

Идиотка! Не только ноги, но и мозги отсидела! Вот каким местом надо было думать, чтобы приволочь высокую стре-

³ Локоть – мера длины, равная пятидесяти сантиметрам.

мянку, таз с тряпкой и полезть наводить чистоту под потолок? Остатков соображения хватило на то, чтобы убрать бумаги куда подальше – переложить в стоящее в углу кресло. И ведь уже на первой ступени лестницы пошатнулась – голова закружилась. И ребёнок толкнулся, как предупреждал. Но я – нет предела ослиному упрямству и бабской дурости! – только выругалась, что живот и длинный подол мешают видеть, куда ногу ставишь, и полезла наверх. Как же – семь ступенек – это сущая ерунда! Раньше я и не на такую высоту забиралась! Зато как люстра засияет!

А дальше случилось то, что обычно случается с планами безмозглых кретинок – всё пошло наперекосяк. При первом же прикосновении тряпки к люстре мне на голову посыпалась пыль и комья паутины, да так, что я отчаянно зачихала. Попытка протереть что-то одной рукой немедленно вызвала качание всей конструкции. А вторая у меня – вот незадача! – была занята тазом, который я держала, уперев в бедро.

И что дальше? Люстра звенит, меня шатает, таз кренится... и тут от двери послышался голос Холта:

– Что здесь происходит?

Попытка обернуться стала роковой – я потеряла равновесие. Первым улетел вниз и грохнулся об пол таз. Потом повело стремянку с махающей на ней, как курица на взлёте, верхними конечностями мной. Повело, перекосило, накренило... и мы полетели... Я даже заорать с перепуга не успела – просто онемела от ужаса, от мысли, что упав, потеряю

дочку, ведь двадцать шесть недель – это слишком рано! Попыталась сгруппироваться, чтобы приземлиться на бок, как-то прикрыть живот... и тут меня поймали. На руки. Мягко.

А вот голос мягким не был:

– Ньера, вы идиотка!

Он ещё как-то умудрился спружинить коленями и устоять на ногах. Но смотрел злобно, как храмовник на упыря. Ну ещё бы! Руками я до боли вцепилась ему в плечи, а тряпка... ой, моя грязная мокрая тряпка повисла на Холтовой вороной макушке. Я зачарованно смотрела, как на свисающем на лоб уголке набухает грязно-серая капля... Сейчас шлёпнется на нос...

Дёрнулась, упираясь руками ему в грудь, пытаюсь освободиться.

– Дважды идиотка. Не двигайтесь. Сейчас отнесу вас в комнату и пошлю за врачом – пусть вас осмотрят. И лучше ничего не говорите! Ни одного слова! Вообще не открывайте рот! – мотнул головой, сбрасывая тряпку.

Я испуганно кивнула. Врач – это хорошо. Лишь бы обошлось, лишь бы обошлось... Если что-то совсем не так, помогу себе волшебством. Пусть дочка будет не такая сильная в магии, но живая... Но какая, какая, какая же я дура!!! По щекам бежали слёзы испуга, облегчения, злости на свою беспросветную глупость... Что же я натворила?

Как только Холт вышел из комнаты, положила ладони на живот, настороженно ощупывая. Малышка лягнулась. Жи-

вая! И – спасибо Холту! – вроде бы при приземлении обошлось без рывка. Архивариус сумел меня поймать и, согнув ноги, погасить импульс. Но всё равно было жутко. А вдруг отошла плацента? А если от сотрясения начнутся преждевременные роды?

Я лежала, прижав к животу подушку, и тихонько плакала.

Врач – пожилой мужчина с чёрным кожаным саквояжем – пришёл очень быстро. Холт за его спиной сощурился на меня и поднёс палец к губам – молчи! И заговорил сам:

– Ньер Ильери, это – племянница моей кормилицы Бетани, Беата. Как видите, она в тягости. Но, желая помочь тётушке, полезла под потолок мыть люстру. Нет, не смотрите на меня так – я ничего такого не приказывал и не просил. Чем думала она – не знаю. Но чуть не упала. Посмотрите, что с ней. Я подожду за дверью.

Докторов я не любила. И не особо им доверяла. А этому ещё и нельзя было задавать вопросов, ведь начини я пытаться про плаценту да про предлежание – медицину в магической семинарии изучали весьма подробно, – моя легенда безмозглой племянницы кормилицы разлетится вдребезги.

– Нужно понаблюдать. Зайду завтра, посмотрю. Пока строго постельный режим.

Врач поднялся с края кровати, отряхивая, будто намочил в воде, кисти рук.

Вот умеют доктора тремя нейтральными словами напугать до синюшных коллик! Вроде ничего и не сказал... а хоть на кладбище собирайся!

Ньер Ильери присел за стол – выписать потребные лекарства. Уйдёт – погляжу, что он там понакалякал.

Несколько минут за дверью шёл негромкий разговор. Я замерла, прислушиваясь. Зараза! – ничего не разобрать! Потом раздались удаляющиеся шаги, и всё стихло. Только я распустила свободную шнуровку на платье, устраиваясь поудобнее, как после короткого стука дверь распахнулась, явив Холта с насупленными бровями. В одной руке архивариус держал деревянный табурет, в другой – медный таз для варки варенья и большую колотушку для отбивания мяса.

Я напряглась. Это он чего?

– Не дергайтесь. Вот! – поставил табурет у моего изголовья, водрузил на него таз вверх дном и увенчал сооружение колотушкой. – Лежите. Если что-то нужно, не встаёте сами, не лезете на потолок, не орёте на весь дом – берёте молоток и стучите по тазу. Ясно? Ньера Бетани сейчас зайдёт.

– Ньер Холт, спасибо...

– Не за что. Знал бы, что у вас с головой плохо, – в дом не взял.

– Что сказал врач?

– Вероятно, обошлось. Но точно будет видно через пару дней.

Прошёл к столу, взял исписанный доктором листок, фыркнул.

– Что там? – попыталась я приподняться.

– Не дергайтесь, ньера. Успокаивающие и укрепляющие – корень валерианы, трава пустырника, кое-что ещё.

Архивариус вышел из комнаты и прикрыл дверь.

Первая реакция – спонтанная – самая честная. Холт, не раздумывая, кинулся меня ловить, когда я загремела с лестницы. И сделал всё, чтобы помочь мне и малышке. Хотя – вспомнила злые серые глаза под нависшей над ними мокрой тряпкой – желание придушить безмозглую дуру читалось явно. Я его понимала – сама б себя придушила!

Но, как бы то ни было, похоже, я попала в дом к хорошему человеку.

Глава 4

*Мы не столько нуждаемся в помощи друзей,
сколько в уверенности, что её получим.
Демокрит*

Следующую ночь я буду помнить долго.

Ничего особо не болело, но я знала, что роды – в том числе и преждевременные – часто начинаются на рассвете, в час Ночной кобылы, когда мать спит. А мне рожать было никак нельзя.

Поэтому я додумалась до того, что выспаться надо днём, пока есть время. А за полночь, наоборот, бдить, не смыкая до утра глаз. Так безопаснее.

Инициатива вылилась в опухшую от слёз физиономию с красными от недосыпа глазами.

Вот не зря я всегда не любила мыть люстры!

Холт ко мне больше не заходил. Зато тётушка Бет заглядывала каждые полчаса, принося отвар пустырника, лимонад, пирожки. При этом достойная ньера попеременно ругала меня, жалела и расспрашивала – как же такое вышло? А я была настолько выбита из равновесия, что слово за слово поведала ей всю историю моего замужества... Бет поправила очки на носу, посмотрела на меня строго и изрекла:

– Козёл!

А потом подмигнула.

Я засмеялась. И рассказала ей про миренью.

Через два дня, навалявшись в постели на всю оставшуюся жизнь, я встала.

Тётушка Бет, похоже, решила взять меня под крыло. И начала с того, что приволокла пару своих платьев, заметив, что как на моих шнуровку ни распускай, а скоро станут узки в талии.

С талией она угадала – я медленно, но верно переходила в разряд ньер, талию которых можно было гордо именовать экватором. Но беда в том, что рост у Бет был меньше моего на полторы ладони, плечи – заметно уже, а руки, соответственно, короче. И последние пункты банальным отпусканием подола не лечились. Вид у меня в кормилицыном платье получился нелепо-комичным. Поблагодарив, решила, что разберусь сама, – сделаю юбку на завязках и стану носить с блузкой и лёгкой шалью, чтобы прикрыть всё это безобразие. Вполне прилично.

Поднявшись, я снова засела за составление сводной таблицы, раздумывая о том, как выявлять закономерности. Возникла ещё одна идея: под каждой грузовой декларацией стояла виза портового чиновника. Вот если посмотреть, кто визирует сомнительный рейс «Удачливой чайки», и проверить остальные декларации, подписанные тем же ньером?

Даст это что-нибудь?

Дало. Я нашла три записи за подписью ньера Ярита, показавшиеся мне подозрительными. Если бы не присматривалась специально, внимания б не обратила. Например, при пристальном взглядывании показалось странным то, что на одном корабле, побывавшем в трёхмесячном плавании, оказались одновременно моржовые шкуры, лён, чёрное дерево и шоколад. И всё в немалых количествах. Половина товара с севера – половина с дальнего юга. На случайную закупку по пути мало похоже.

Занеся данные в свой грессбух, отложила документ в сторону и задумалась... где-то мне уже попадалось чёрное дерево вместе с какао... Начала рыться в куче документов – вот! «Синелья» – прибыла в тот же месяц с грузом ячменного пива в бочках – а ещё с чёрным деревом и какао. А кто поставил визу на декларации? Ещё один ньер – какой-то Парелли.

К вечеру я была уверена, что или беременность пагубно повлияла на умственные способности, но развила паранойю, или я наткнулась на что-то масштабное. Странность тянулась за странностью – как нити из клубка...

А ещё один повод для размышлений – необычный архивариус Раиндэлл лен Холт. Который был в курсе, что корень валерианы и пустырник – успокаивающие, носил сапоги вместо городских туфель, обладал реакцией горного тигра – как он только успел поймать меня в полёте? – и, кроме того, ин-

тересовался злоупотреблениями в порту Салерано.

И, наконец, я раздумывала, как поступить? Можно тупо переписать сведения о кораблях в свою тетрадь и устраниться. Отдать Холту – пусть полистает, посмотрит сам. При таком способе представления данных найти зацепки будет не слишком сложно. Ведь известно – чтобы что-то заметить, всего-то и надо, что взглянуть на вещь под правильным углом.

Или рассказать?

* * *

– Вы опять ёрзаете, ньера. Что сегодня?

Думай – не думай, он видит меня насквозь.

– Рассказ долгий. Пойдёмте, покажу бумаги.

Три портовых чиновника, пять подозрительных судов. В шестом я уверена не была. Принадлежали эти корабли двум разным судовладельцам...

Как могла логично изложила свои умозаключения.

Допустим, некий корабль раз за разом плавал на север. Откуда вёз мёд, меха, лён, янтарь, рожь, лес... и вдруг – совершенно неожиданно – его понесло на юг. Ну, бывает – замёрзли и вообще решили что-то новенькое попробовать. А потом опять стали плавать по привычному маршруту. Такое объяснимо, если поход в новое место не принёс заметной выручки и владелец решил больше не рисковать и вернуть-

ся к гарантированной стабильной прибыли. Но вот шхуна «Синяя стрела», с упорством муравья возившая раз за разом лён, моржовые и тюленьи шкуры и можжевелевую водку, вдруг вернулась с окстийским фарфором – дорогой и выгодный груз! – а потом снова отчалила за водкой. Вот что бы сие значило?

– Вы понимаете, что говорить об этом нельзя никому? Даже Бетани? – серые глаза требовательно уставились мне в лицо.

– Ещё как понимаю, – вздохнула, опуская взгляд на самую выдающуюся часть своего тела.

– Хорошо. Завтра дам вам секретные данные о нападениях на корабли в Закатном океане. Они неполные. Как догадываетесь, в большинстве случаев рассказать о случившемся было некому. Сопоставите их с тем, что нарыли. Посмотрим, будут ли совпадения.

Засыпая, я раздумывала – откуда у архивариуса такие документы?

И куда я полезла? Возникло ощущение, что перетереть в доме все люстры однозначно безопаснее, чем совать нос в это дело. Мне сейчас вообще надо сидеть тише мыши, не высовываясь никуда. Так мало мне бывшего мужа с вонючей рыбьей тушкой в кармане – ещё пиратов на свою голову нашла!

Следующие две недели я работала по три часа утром и два

днём в гостиной на нижнем этаже, перебирая бумаги и заносая в тетрадь данные по кораблям и их пропажам в удобном для анализа формате. Пришлось добавить имена владельцев и капитанов – казалось, что это тоже может пригодиться. А ещё я аккуратно, на обороте, несмываемой тушью нумеровала исходники, предварительно сортируя их по годам. Чтобы в случае чего всегда можно было просмотреть подробно данные по грузу и по рейсу. Допустим, видишь, что интересующему рейсу соответствует запись триста двенадцать, – и сразу понятно, где искать.

Наше королевство располагалось на полуострове, отделённом от остального материка горами. Но так сложилось, что именно Тариста с её издавна могучим торговым флотом стала воротами всего континента. Через наши пять главных портов, одним из которых был Салерано, а другим – столица страны – Лореция, проходили две трети грузов, затем отправлявшихся на север, сухопутным соседям.

Да, мы кормили себя сами – поля, сады, виноградники, пасшиеся в предгорьях стада и, наконец, приморский мягкий климат делали страну независимой от поставок продовольствия извне. Но кровью и силой королевства была именно торговля. Почти четыреста лет Тариста жила без войн благодаря деньгам, полученным от торговли. И лично мне бы хотелось, чтоб так оно и продолжалось. А тут я видела, что кто-то или что-то систематически её подрывает...

Вот только недоставало данных для анализа. Корабли,

грузённые награбленным, могли отправиться в любой из пяти портов. А у меня были сведения только по Салерано. Хотя... Хотя... Тут я засекала уже десяток подозрительных судов. Если они заходили в другие порты – о том тоже есть записи. Те, в свою очередь, укажут на нечистых на руку таможенных чиновников... и потянутся новые нити. Распутать можно, было бы время да желание.

Пару совпадений с пиратскими нападениями я обнаружила. Барку «Фортуна капитана» не повезло – шедший из южного Кониго с грузом чёрного дерева и какао корабль был потоплен за месяц до того, как с таким же грузом в Салерано прибыли «Удачливая чайка» и «Синелья». А на шхуне «Морская выдра», прибывшей с полным трюмом суриго – южного растения с метельчатыми колосьями и длинными зернами, мука которого использовалась для изготовления кондитерских лакомств, – почему-то оказались слитки пропавшего за три месяца до того серебра из Ливорнии.

Наверное, я бы копалась в бумагах с утра до ночи, но тётушка Бет не давала мне засиживаться, регулярно отправляя то протереть пыль, то полить цветы, то – вместе с ней, одну она меня не отпускала – на рынок за свежей зеленью и ранними овощами. И я по-прежнему ходила брюнеткой, маскируясь под местную уроженку.

Холт разговаривал со мной мало и нечасто. Здоровался утром за завтраком, а вечером обращался только тогда, когда

видел, что я нарыла что-то новое. Но не торопил с работой.

Несколько дней назад я уперлась в странный факт, который не знала, как трактовать. Я была уверена, почти могла поклясться, что купеческая компания «Восточная звезда», три корабля которой регулярно возвращались в порт с горой груза выше мачт, замешана в пиратстве. И тут выяснилось, что у неё самой пропали две шхуны. Непонятно.

Вечером спросила у Холта.

Тот задумчиво запустил руку в волосы, взъерошив чёрные пряди над бледным лбом, потом произнёс:

– А были ли эти корабли застрахованы?

Упс! Вот так поворот! Если существовала страховка, то никаких убытков и нет... Но это же ещё гора бумаг! Тут до ста лет сиди – не разберёшься!

Машинально начала чиркать на чистом листе, как обычно делала, когда задумывалась...

– Что это? – длинное лицо заглянувшего мне через плечо Холта вытянулось ещё сильнее.

Сглотнула, взглянув на то, что вышло. Сидящий столбиком на попе зверёк с растопыренными передними лапками, жутко оскаленными зубами и в кирасирской каске и впрямь смотрелся странно.

– Очень страшный суслик, – сообщила я серьёзным голосом. Не объяснять же архивариусу, что изначально мы с Вилькой рисовали карикатуру на нашего преподавателя военного дела? И так натренировались, что в задумчивости обе

начинали плодить сусликов.

Холт фыркнул мне прямо в ухо.

В дела своего хозяина я решила не лезть. Куда он уходит днём – точно не моё дело. Но, подозреваю, что не в архив. Запретный кабинет я продолжала обходить по дуге – чем бы там ни занимался и что бы ни хранил в своих владениях Холт – золотые слитки, коллекцию собачьих ошейников, женских подвязок или скальпы врагов, – меня это однозначно не касалось. Было любопытно, конечно... но не настолько, чтобы рисковать оказаться на улице за два месяца до родов или, наоборот, вляпаться по уши в дела знатных, богатых и могущественных торговцев, – такого не только будущая мать на сносях, но и всякий человек разумный станет избегать любой ценой.

Для меня важным было то, что Холт безо всяких просьб с моей стороны поднял оплату до двадцати соленов в неделю. Деньги мне понадобятся. Через восемь или девять недель я рожу – и после этого снова смогу пользоваться магией. И – вероятнее всего – уеду из Салерано навсегда. Город, конечно, замечательный, но бодаться из-за клиентуры с собственным бывшим не улыбалось. К тому же, пораскинув в свете последних прозрений и озарений мозгами, я поняла, что, возможно, Андреас постарается меня вернуть, используя угрозу отнять ребёнка как рычаг. Орсетта колдовала всю жизнь на троечку с плюсом... а Андреас был амбициозен,

ему подавай больше.

Вечера я проводила у себя в комнате. Листала конспекты, читала, начала, как и собиралась, вязать приданое для малышки. Последнее, правда, не особо получалось, зато хорошо успокаивало.

Потянувшись, отложила кривоватое недовязанное одеяло – ничего, потом магией поправлю. Встала перед большим, висевшим на стене зеркалом. Повернулась в профиль, натянув на животе длинную ночную рубаху, хихикнула – экватор он и есть экватор! И испуганно подпрыгнула – в коридоре рядом с моей дверью что-то заскребло по стене, а потом тяжело упало на пол.

Что за?..

Взяв в руку лампу – если что, ей и отбиваться буду! – выглянула за дверь. Почти у порога на ковровой дорожке темнела бесформенная куча с вытянутой вперёд белой рукой. Холт! Кинулась к нему – без сознания, голова в крови. В каком состоянии всё остальное – не поймёшь, потому как в грязи. Но похоже, что архивариусу досталось, и сильно.

Бетани занимала комнату на первом этаже, рядом с кухней, говоря, что ей так удобнее. Сбегать за ней? Сейчас, только сначала посмотрю, что с ним, – если кровь идёт, останавливать надо срочно, – а потом уж позову кормилицу. Как он в таком состоянии вообще домой дошёл и на второй этаж поднялся?

Хорошо бы, конечно, его куда-то положить. Только куда? До хозяйской спальни в торце коридора мне тело явно не доволочь. Ладно, сначала надо понять, что с ним.

Поставив лампу на пол, побежала за тряпкой и кувшином с водой. И, присев рядом с телом, осторожно стала смывать кровавую корку со лба, одновременно ощупывая пальцами голову со слипшимися волосами. Ага, получил удар по затылку. Рассечён висок. Но череп вроде цел. А почему потерял сознание? Упс, правый бок в крови – вот это хуже. Кое-как, дёргая за рукава, стянула камзол. Холт застонал, открыл глаза.

– Вы ранены, сейчас позову Бет. И нужен врач.

– Не надо звать Бет, не страшно... Сами... – и отрубился опять.

Отлично!

Ладно, хочет помереть – его воля. Подняла лампу, рассматривая распоротую, пропитанную кровью полотняную рубаху. Похоже, распахали плечо. И впрямь не смертельно. Если, конечно, это всё. Перевязать такое я могу – нас учили.

– Я его убил, – осчастливил меня новым знанием снова пришедший в себя Холт.

– Кроме плеча – раны есть? – задала я вопрос по существу.

– Голова.

Ну, это я уже видела.

– Встать сможете, если я подопру?

– Попробую.

Тащить Холта на себе я не собиралась, но подстраховать могла. Кое-как мы доковыляли до его спальни – моя была ближе, но делать там незнакомому мужчине было нечего. Да и где я сама тогда буду ночевать?

Следующий час я провела творчески, вспоминая то, чему нас учили в семинарии. Оказалось, что в ванной моего хозяина имеется аптечка, где обнаружили и бинты, и вата, и куча склянок со снадобьями на все случаи жизни. Я промыла раны, обработала края спиртом, забинтовала. Потом, подумав, принесла иголку с шёлковой ниткой, поболтала их в спирте и прихватила разрез на виске тремя стежками – иначе останется шрам. Бледный как смерть Холт терпел молча, следя за моими действиями расширенными зрачками.

Закончила я тем, что перетасила в его комнату из своей так и оставшиеся стоять у меня табуретку, таз и колотушку и, пожелав доброй ночи, отбыла восвояси.

Отмыв от крови руки и сменив заляпанную рубашку на чистую, задумалась. Странностей накапливалось всё больше и больше. Тёмный ковер на стене комнаты архивариуса украшали мечи и кинжалы – с мирной профессией такое никак не вязалось. И эта аптечка... словно не с бумагами работает, а на войну собрался. А ещё больше настораживали пара шрамов от давних порезов на мускулистом предплечье и старый, похожий на белую кляксу, шрам под лопаткой.

Но случившееся однозначно было дурным знаком.

Во что я влипла?

Неужели я со своими догадками разворошила осиное гнездо?

* * *

Утром Холт был уже почти в норме – во всяком случае, спустился к завтраку он самостоятельно и был брит. Хотя по-прежнему выглядел бледнее хорошо отбеленной простыни.

Меня приветствовал кивком, всю трапезу молчал, а вставая, сообщил:

– Ньера Алессита, вы мне нужны. Пойдёмте.

Предсказуемо – повязка на плече пропиталась кровью, и её нужно было сменить. Посадив хозяина спиной к окну, внимательно осмотрела края раны. Те покраснели, но – прикоснулась пальцами к коже – воспаления вроде бы не было. А вот ещё один шрам останется.

– Хотите знать, что случилось? – неожиданно поинтересовался он, пока я накладывала повязку с календулой и бинтовала плечо.

Я задумалась. Оно мне надо? Любопытство погубило кошку. Или не знать – ещё опаснее?

– Ведь вы уже поняли, что я не архивариус?

Наклонила голову. И что сказать?

– Ну, как хотите... – казалось, он был слегка разочарован.

– Сколько вам лет? – задала я вопрос на пробу. Ответит охотно, можно будет спросить что-нибудь ещё. А если укло-

нится – это станет ответом само по себе.

– Двадцать шесть.

Хм-м, моложе, чем я думала, а командует, как Андреасу и не снилось! Кто же он?

– Личный эмиссар Риналдо Третьего, ведущий сейчас по просьбе Гильдии купцов и Гильдии страховщиков расследование участившихся случаев пиратства. Кроме того, в Салерано год назад погиб мой отец – этот дом достался мне в наследство от него. Я ищу убийц. Вы это хотели спросить?

Сообщить кому-то, что лично знаком с королём, когда этот кто-то ощупывает шишку у тебя на темечке, – не самый удачный момент. Я дёрнулась сама, дёрнула прядь его чёрных волос. Холт подпрыгнул на стуле и выругался сквозь зубы.

– Впечатлены, ньера?

– Нет. Думаю, как побыстрее смыться куда подальше, – абсолютно честно ответила я.

– Помогите мне, и я посодействую вашей карьере в столице. Ведь вы хороший маг?

– Что включает помощь?

– Работу с бумагами, их анализ и только. Никакой опасности.

– Что случилось с вашим отцом?

– Уличное убийство, которое затем попытались выдать за обычное ограбление.

– Он тоже занимался этим делом?

– Да.

Отлично. В плохом смысле. Значит, тот, кто стоит за этим, наверняка следит и за действиями Холта, и за его домом. И тут – как безмозглая тетёрка – в это замечательное место прилетела одна безголовая свежеразведённая беременная магиня...

Даже если предположить, что внешние наблюдатели считают меня родственницей Бетани, – всё равно оставаться здесь не следует.

– На месте виновных я бы убила вас, ньер, – ведь это и пытались сделать вчера, да? – сняла бы с пояса ключи, пошла бы сюда, зная, что в доме нет никого, кроме двух женщин, обыскала всё в поисках улик и бумаг, свидетельниц прирезала, а дом – чтобы уж точно ничего не пропустить – сожгла. Боюсь, мне этот вариант не подходит. Если не возражаете, завтра я уеду в Виэнию.

– Возражаю. Поступим по-другому. Мне нужна ваша помощь – у вас хорошая голова, – но вы требуете безопасности. Так? Я остаюсь в доме и делаю вид, что прекратил расследование. Возможно, даже изображу, что вовсе покинул Салерано. А сами продолжим работать с бумагами – такую кипу даже вдвоём за месяц не разобрать. Кстати, у вас нет новых идей, куда рыть дальше?

– Заведите сторожевую собаку, – не совсем логично ответила я. – И куда рыть, да, мысли есть. Во-первых, нужны данные по всем пяти портам. Начать можно с тех кораблей, ко-

которые уже привлекли к себе внимание. Посмотреть, кто подписывал декларации... а там видно будет. – Отодвинулась на шаг. – Пересядьте лицом к окну – хочу посмотреть шов на виске, не разошёлся ли. – Холт послушно развернулся. Я подступила чуть сбоку, иначе б мой живот уткнулся ему прямо в нос. Сдвинула чёрные волосы со лба, разглядывая, что вчера нашла. Неплохо, шов аккуратный. – А другая идея – попробовать проследить за награбленными товарами, подняв таможенные документы. Вдруг чёрное дерево или фарфор повезли продавать дальше на север? Так вот интересно, какая купеческая компания это сделала.

– Неглупо. У вас приятно прохладные пальцы, нъера. Спасибо за лечение.

Собака появилась на следующий же день. Точнее, две собаки. Черные короткохвостые геранские волкодавы – страшные зверюги почти мне по пояс, с круглыми рыжими подпалинами на груди, здоровенными зубами и в ошейниках с шипами. Тетушка Бет всплеснула руками в ужасе. Правда, позже выяснилось, что ужаснул её не вид псов, а то, что тех полагалось два раза в день кормить сырым мясом.

– Не воют, не лают, сообразительны, бесстрашны, верны до смерти, – прокомментировал приобретение Холт. – И уже выдрессированы на охрану.

Я промолчала, отметив только, что моё желание он воплотил с рекордной скоростью, тем самым отрезав мне путь к

отступлению. Ладно, пока Холт держит слово и находится в доме, я тоже останусь здесь.

– Как их зовут? – поинтересовалась я, пока меня обнюхивали.

– Хват и Рвач.

Уж да, очень подходящие имена для домашних питомцев.

– Запомнить легко, вот этот, с одним рваным ухом, Рвач и есть.

Пёс, услышав имя, наклонил башку с торчащим надо лбом драным чёрным огрызком, внимательно рассматривая меня янтарными глазами. Я протянула руку, погладить – нос угрожающе наморщился, верхняя губа приподнялась, обнажив клыки.

– Простите, нъера, к ласке они не приучены.

Убойцы какие-то. Или убийцы?

Появлением собак дело не ограничилось. К вечеру в доме появились мастера, установившие на все окна – в том числе и второго этажа – внутренние металлические жалюзи. Открывались они изнутри. А когда были опущены и заперты, ни проникнуть в дом извне, ни устроить пожар, кинув какую-нибудь дрянь в окно, было невозможно.

– А чердак и погреб для дров? – практично поинтересовалась я.

Холт прищурился на меня, фыркнул и ответил одним словом:

– Уже.

Вообще-то, все эти предосторожности годились лишь для защиты от обычных, немагических нападений. Маг средней руки легко бы и засовы открыл, и усыпил или убил собак. Я и сама справилась бы с этим безо всякого труда. Но вероятность такого была ничтожна – будущим волшебникам ещё в нежном возрасте втолковывали, что самый слабый маг может жить обеспеченно, спокойно и, главное, долго – если не связывается в сомнительные или криминальные предприятия. Что магия оставляет следы, и любое преступление будет раскрыто старшими коллегами, которые, в свою очередь, желают жить долго, богато и счастливо. Так что найти в Таристе мага, желающего поучаствовать в штурме дома личного королевского эмиссара, было нереально.

Со следующего утра мы начали работать в гостиной вместе. И это не было неприятно или напрягающе, как того опасалась я.

Я продолжала методично заносить в свой гроссбух сведения о привезённых кораблями грузах. А Холт выписывал данные по нападениям в хронологическом порядке. Когда кто-то из нас натыкался на то, что казалось интересным, мы обменивались мнениями.

Например, я заметила, что вместо одной из потерянных компаний «Восточная звезда» шхун у неё всего через три месяца появилась другая – с аналогичным тоннажем – и на-

чала плавать по знакомым маршрутам. Неужели настолько нагло? Вот так, получили страховку, перекрасили название и поплыли дальше? Но на каком уровне нужно иметь прикрытие, чтобы поступать так и не бояться разоблачения?

– На очень высоком. И, пока мы собираем факты, допускать утечек нельзя.

Надеюсь, ещё пару месяцев эти факты мы прособираем... Здоровенные коробки с неразобранными бумагами под столом подкрепляли мой оптимизм.

Глава 5

*Безусловно, ваш муж имеет свои недостатки!
Если бы он был святым, он бы никогда не женился
на вас.
Д. Карнеги*

Неприятности свалились, откуда я их совсем не ждала. Доаживать мне осталось меньше месяца, и я расслабилась – день за днём ничего не происходило – мы с Холтом корпели над бумагами и начали рисовать схемы – кто и как, прямо или косвенно, замешан в пиратском промысле. Причастных хватало – торговые компании, отдельные купцы, судовладельцы, чиновники разных рангов, таможенники – ведь прибыль исчислялась сотнями тысяч соленов. Прорва денег!

Подтвердилась догадка о том, что, похоже, не все захваченные пиратами корабли шли на дно. Например, пропала какая-нибудь «Резвая нимфа» вместе с грузом. Груз засветился в Салерано три месяца спустя. А ещё через три-четыре на рейде возникла поразительно похожая на пропажу перекрашенная, сменившая владельцев и команду «Меч-рыба». До того нигде не существовавшая и непонятно кем и когда построенная. Мы насчитали четыре таких случая лишь в Салерано только за последние три года. А сколько их было всего?

И стало понятно, зачем нужны эти афёры с кораблями. С

одной стороны, если всем вокруг известно, что ты тоже пострадал, – никто и не заподозрит, что ты сам стоишь за разбоем. С другой – судно стоит кучу денег. И, наконец, допустим, всплыл через несколько месяцев якобы погибший корабль, да? Страховка уже получена. Вот кто может наверняка сказать – та же ли самая это шхуна? Только владельцы да команда. А все замешанные поглаживают кошельки и молчат. Страховщикам остается скрежетать зубами, подсчитывая убытки. И поднимать ставки, которые ложатся грузом на плечи честных купцов.

Так, день за днём, я добавляла в складывающуюся картину новые кусочки, а по вечерам сидела с крючком и с мотком шерсти, перебирая в голове данные, которые переписывала днём, гладила время от времени болезненно каменеющий живот, растирала опухшие лодыжки и старалась не есть слишком много. И начисто забыла о своем экс-супруге...

А зря.

Виновата была я сама. Ибо, поняв, что, скорее всего, задержусь в доме ньера Холта до родов, отписала Вильке и тётушке Лео с нового адреса, чтобы те не беспокоились, куда я пропала. При этом совершенно упустив из виду, насколько тётя помешана на устройстве моего семейного счастья и какое впечатление произвел на нее красавец Андреас, когда Лео приехала на нашу свадьбу.

А вот Андреас, как выяснилось, все просчитал. И, не най-

дя меня сам, отписал тётё, что мы поссорились в результате мелкого недоразумения, что он ужасно боится и тревожится и за меня, и за ребёнка – как же я буду беременная, одна? Ни об измене, ни о том, что сам оставил меня без денег, ни о том, что мы уже разведены, экс-гад не сообщил. Тётя прослезилась, купилась и послала мой новый адрес, искренне веря, что творит добро, сводя поссорившихся влюблённых.

Но это было не всё. Узнав адрес, Андреас отправился в Храм, где пообщался с тем самым храмовником, который меня разводил, и заявил, что де он – известный уважаемый маг – может предоставить лучшие условия для жизни и воспитания ребёнка, чем легкомысленная мать-одиночка без верного заработка. Ведь у него-то есть и дом, и постоянный доход! Потом принёс клятву, что действительно хочет забрать ребёнка, едва лишь малыш родится. Не знаю, сколько Андреас заплатил, но в результате он получил на руки предписание Храма отдать ему младенца, как только тот появится на свет.

Обо всем этом я узнала, когда в нашу дверь поутру неожиданно забарабанили судебные приставы, в компании которых мой бывший пришёл мириться с норовистой беглой женой.

Разговаривал с ними Холт. И только это меня и спасло – иначе бы я или умерла на месте, или убила подлеца. Отрицать, что Алессита лен Ориенси проживает в этом доме, Холт не мог – письма доставлялись именно сюда. Да и не стал

бы – наказание за лжесвидетельство у нас в стране было суровым. Закончилось тем, что мне пришлось-таки показаться и лично подписать врученное злорадным храмовником ещё одно предписание, запрещающее покидать Салерано до родов.

Андреас смотрел на меня из-за спин приставов с довольной полуулыбкой на лице. А уходя, послал воздушный поцелуй.

Когда Холт наконец захлопнул дверь, я сползла по стене на пол и зарыдала...

Холт присел на корточки рядом, протянул платок.

– Вытрите слёзы и скажите, чего он хочет на самом деле? Простите, ньера, но во внезапную любовь этого хлыща к детям мне верится с трудом.

Хлыщ. Вот правильное название. А для меня – другое. Слепая безмозглая курица. И не уехала вовремя, и сама засветила своё убежище.

Хлюпнув носом, опираясь на стену, попыталась подняться. Холт подставил руку – я, не раздумывая, уцепилась – самой мне сейчас не встать.

Надо что-то делать. Срочно. Собрать вещи и бежать!

– Пойдёмте поговорим.

Тетушка Бет, которая, услышав голоса, выскочила с кухни, застала конец сцены. И сейчас кипела от негодования. Я

была благодарна за моральную поддержку, но вот только чем она мне реально поможет?

– Итак, что ему нужно?

– Меня. Мое послушание и мою магическую силу. А в перспективе – силу дочки. Сам он как маг не очень. Все сложные заказы помогала делать я. А если он заберёт ребёнка, мне придётся вернуться к нему.

– А вы не хотите?

Не хочу. Сейчас, увидев Андреаса, я сама себя не понимала – как, как я могла в него влюбиться? И ведь наставник говорил прямо, что я делаю ошибку... Учитель даже не захотел прийти на свадьбу. А у меня плясали звёздочки в глазах и пел хор птичек в голове – как же, девичья мечта всей семинарии обратила на ничем не примечательную ньеру благоклонный взор! Добродетель и скромность вознаграждены! Угу, и наивность с дурустью тоже...

Помотала головой.

– Вечером я попробую бежать.

– Препятствовать не стану, но не советую. Уверен, что и дом под наблюдением, и все выходы из города – тоже. А если вас поймают – поместят под надзор, как преступницу. Вы уверены, что хотите рожать в тюрьме?

Бет витиевато выругалась – досель я не слышала от неё таких слов, даже когда у нас сгорел до углей забытый в духовке гусь. На секунду стало смешно.

Кормилица пожала плечами – мол, что такого? – просто

высказала честное мнение честной женщины.

Я, обхватив голову руками, начала раскачиваться из стороны в сторону... что делать? Что мне делать? Дочку я ему не отдам!

– Так. Есть мысль. Сейчас идите, приведите себя в порядок, – в глазах Холта появилась какая-то сумасшедшинка. – А к вечеру мы утрём вашему экс-супругу нос.

– Как?

– По закону.

– Как? – повторила я.

– Легко. Вас учили магии – меня учили праву. Решение лежит на поверхности. Смотрите сами. По семейному кодексу Таристы любой ребёнок, рождённый в браке, считается законным. Так сделано для блага и безопасности детей. При чем отцом всегда – без исключений – записывают мужчину, который был женат на матери младенца в момент его появления на свет. Сейчас вы смываете, насколько удастся, эту жуткую краску с волос. Потом одеаетесь и, пока на дворе день ясный, мы идём в Храм, где заключаем брак.

Я, часто заморгав, вылупилась на Холта. Ньер сошёл с ума?

– Ньера Алессита, успокойтесь, в вашем состоянии волноваться не стоит. Это реальный и абсолютно законный выход. Если вы опасаетесь, что я стану требовать исполнения супружеских обязанностей, – скептически хмыкнул, покосившись на мой живот, – то в присутствии кормилицы – она подтвер-

дит, что мальчиком я всегда был честным – обещаю этого не делать. Захотите – потом разведётесь. Как раз на основании того, что супружество не было осуществлено. Но ваша дочка станет носить моё имя, а предписание, которым тут грозно потрясал ньер Андреас, станет стоять меньше бумаги, на которой написано. И ещё: я богат. Весьма богат. Близких родственников у меня нет. Так что, случись что со мной, вы будете обеспечены.

И веско добавил:

– Решайте.

Зачем ему это?

И нужно ли такое мне?

Оказаться женой королевского эмиссара по особым поручениям – хорошо ли это для карьеры мага, о которой я мечтала? Какие дела он вёл ещё и не станем ли мы с дочерью мишенями или заложниками? Что хуже – вернуться к подлецу или выйти замуж за опасного типа?

– Ньер Холт, зачем вам это? И как вы ко мне относитесь?

– Мне нравится ваш характер, я уважаю ваш ум и ваши знания. Касательно остального, позвольте, умолчу. А ещё очень не хочется, чтобы подлость восторжествовала.

Набрала воздуха в грудь. Надеюсь, я не делаю очередную ошибку:

– Я согласна. Благодарю вас за предложение.

– Жду вас тут через час. Вам хватит на сборы?

Нет, просто совпадением такое назвать невозможно: наш брак в зале Союзов засвидетельствовал и зарегистрировал тот же самый храмовник, у которого я разводилась и который потом помог бывшему заявить права на мою нерождённую дочь.

Сходить пожениться стоило уже затем, чтобы посмотреть на этого старого женоненавистника. У моего нового супруга лицо было длинным от природы, но у храмовника рожа стала просто лошадиной – хоть хомут на шею надевай!

Холт покосился на закусившую от смеха губу меня и шёпотом поинтересовался, что такого весёлого я углядела в происходящем. Я шёпотом же объяснила, что вижу этого облезлого марабу при интересных обстоятельствах уже в третий раз.

– Дочь, хорошо ли ты обдумала, что делаешь?

– Да, мой жених – прекрасный и достойный человек, и я с радостью приняла его предложение.

«Прекрасный и достойный» запереминался с ноги на ногу, но в свою очередь сообщил, что счастлив на мне жениться. И нет, ребёнок его не смущает – он считает его своим.

Совершенно двусмысленное выражение.

Представила, как взбесится Андреас, когда ему донесут о произошедшем. А в том, что доложат уже к вечеру, – я не

сомневалась. Он-то уверен, что почти вернул жену, – и тут такой удар топором по корням развесистого мужского эго!

Дома я сняла прицепленную к голове кружевную накидку, которую одолжила мне тетушка Бет, и устало опустилась в кресло. Куда я опять влипла? Хотя, если что, разведусь – не впервой.

Новоиспечённый муж подошёл ближе... а потом присел на ручку моего кресла.

– Ещё небольшая формальность.

Наклонился и прижался ртом к моим губам. Я вытаращила глаза и замахала руками – мы так не договаривались! В ответ Холт фыркнул и водрузил пятерню правой руки мне на грудь. Чуть сжал пальцы. Левая оказалась где-то за спиной, в районе поясницы. Я взвыла и ткнула пальцем ему в плечо, стараясь попасть в подживающую рану. Холт тоже взвыл и отпрянул прочь.

– Могли бы ограничиться пощёчиной. – Тон мужа был нейтрален, будто и не он меня только что лапал. – Вы понимаете, что если ваш экс-супруг заявит, что наш брак фиктивный, мне и вам придётся сообщить под присягой, целовались ли мы и – готов поручиться, что формулировка будет максимально обтекаемой, дабы не нарушать приличий – было ли у нас что-то ещё? Вот теперь мы оба можем ответить с чистой совестью, что да, целовались. В губы. И что-то ещё было. А если кто-то поймёт это неправильным образом, мы

же не виноваты?

Невольно засмеялась.

– Простите, что поняла вас неверно.

– Вот с этим «вы, вас, ньер, ньера» тоже надо что-то делать... – задумался Холт. – Скажите, как я могу вас называть?

Внимательно посмотрела в серые глаза под изломом чёрных бровей. Верю я ему? Пожалуй, да.

– Зовите Ситой.

– Сита, я для тебя отныне Рейн. А имя для дочки у тебя уже есть?

Невольно расцвела в улыбке:

– Да. Сонеали. Как солнышко или весенняя капель. А ещё так звали мою прабабку – самую сильную магиню за всю историю нашей семьи.

– Красивое имя для девочки, – Рейн улыбнулся. – Ну что, перекусим пирожками на кухне и снова садимся за работу?

Перебирая бумаги, я косилась на Рейна. Муж. Ну, пусть фиктивный... но все равно не чужой человек. Сколько мы знакомы? Уже три месяца. А что я про него знаю? Да только то, что он мне сам рассказал на другой день после ранения, – что он личный королевский эмиссар. Высокая должность, большие полномочия. И он достиг этого в столь юном возрасте.

– Сита, хочешь что-то спросить?

Покачала головой. Обращение на «ты» сбивало с толку. Не хочу. Я вообще не планировала выходить замуж снова... а тут на тебе! Ну, Андреас, ну ты гад!

– Кстати, потом, если у тебя возникнет желание, думаю, что смогу заставить вернуть ньера Тинтари присвоенное наследство твоей матери. Нет, не отвечай сейчас. Просто запомни. И, если захочешь, скажи мне.

Не скажу. Потому что заставить вернуть – хочу. Но сама! Не полагаясь на другого мужчину, не прячась за чужой спиной. Да, сейчас пришлось... но пусть это будет в последний раз.

Ещё один червяк начал грызть меня ближе к ночи...

– Ёрзаешь. Что случилось?

– А если нас спросят, спали ли мы в одной постели? – решила я.

– Думаю, от беременной на таком сроке никто этого не ждёт. Но поскольку вряд ли, если дойдёт до разбирательства, будет упоминаться дата... – Рейн усмехнулся. – Не беспокойся.

Поздно вечером, когда я уже легла, он постучался ко мне в дверь. Со своими подушкой и одеялом. Скупо улыбнулся уголком рта:

– Чего не сделаешь для ближнего?

Устроился на кровати с краю, повернулся ко мне спиной:

– Спокойной ночи, Сита.

– Спокойной ночи, Рейн.

Я завозилась, устраиваясь поудобнее. На спине спать было плохо, на животе – невозможно, а вот калачиком на левом боку – вполне приемлемо. На другой стороне кровати тоже задвигались. А потом я почувствовала, как с меня тянут одеяло. Вцепившись в угол у груди, зашипела...

– Не волнуйся. Мне нужен только край. Понимаешь, зачем?

Хм-м... понятно. В одной постели, под одним одеялом. А про то, что задом к заду, не касаясь друг друга, нас вряд ли догадаются спросить.

Он затих, даже дыхания не слышно. Я полежала-полежала и незаметно уснула тоже.

А когда проснулась утром, его уже не было в комнате.

Рейн оказался прав: спустя неделю мне опять пришлось предстать перед тем же самым храмовником, положив руку на чёрный ларец и молясь про себя Рианнесу, чтобы мы угадали с вопросами.

Андреас пожелал присутствовать при испытании. Стоял, скрестив руки на груди, в великолепном пунцовом камзоле, и сверлил глазами в упор. Давил. Интересно, а куда он дел Орсетту? Та, небось, рассчитывала, что после моего исчезновения освобождённый от законной коровы красавец торжественно поведёт её в Храм. Угу, размечталась...

Рейн тоже был здесь, в обычной неброской тёмной одеж-

де. Прислонился к стене, с интересом рассматривая носки своих чёрных начищенных сапог. Потом поднял глаза на меня и улыбнулся уголками губ, словно подбадривая: «Не волнуйся, всё будет хорошо».

– По иску, выдвинутому ньером Андреасом лен Тинтари, слушается дело о признании недействительным брака ньеры Алесситы лен Ориенси и ньера Раиндэлла лен Холта. Брак был заключён здесь восемь дней тому назад, – сообщил присутствующим храмовник. Вперился тяжёлым взглядом в меня и спросил в лоб:

– Вы спите вместе с мужем?

– Да. – Я потупила глаза и покраснела, вопрос действительно казался очень нескромным. И, сглотнув, добавила: – После заключения брака не было ни единой ночи, когда бы мы не спали в одной постели.

– Что вы имеете в виду, говоря «в одной постели»?

– Под одним одеялом...

– Вы целовались?

– Да.

– Объясните подробнее, ньера, вопрос серьёзный.

– В губы... – мой голос был еле слышен. – Муж целовал меня в губы.

– А было что-то ещё?

– Да... – вспомнила я длань на своей груди.

– Довольно, – вмешался Рейн. – Перед вами благородная ньера, моя жена. И я признаю её ребёнка своим. И да – у нас

было! Ещё вопросы есть?

Андреаса у стены перекосило. Теперь он смотрел на меня не с торжеством, а с лютой ненавистью...

Наверное, священник и впрямь переступил границы дозволенного. Потому что, скривившись, кисло посмотрел на раздувавшего ноздри Рейна, на меня и произнёс:

– Ньера, покажите ладонь!

Я подняла невредимую руку.

Храмовник поморщился:

– Расследование закончено. Брак признан действительным. Предписание о возвращении младенца Андреасу лен Тинтари отменено! – и, не сдержавшись, бросил мне: – А вам, ньера, советую не бегать от мужчины к мужчине, а уважать законного мужа!

– Мы с женой разберёмся сами. – Голос Холта был холоден, как вечные льды Фризландии.

Только по пути домой я задумалась над непростым вопросом, как буду в следующий раз, придя в Храм за разводом, объяснять – вот зуб даю, что опять напорюсь на этого старорог ящера в рясе! – что ни разу не спала с Рейном?

Шедший рядом Рейн вёл на поводке одного из наших волкодавов и посвистывал, глядя в небо. О чем думал он, мне было неизвестно.

Войдя домой, муж сообщил:

– Дела в Салерано практически завершены. Остальное

– забота королевского Тайного приказа и службы безопасности гильдий. Взять виновных, разговорить их, вычислить тех, кто не попался в наши сети... Впрочем, без моей отмашки они делать ничего не станут. А мне кажется, что ещё рановато...

– А что со смертью твоего отца? Ты узнал, кто его убил?

– Отец расследовал это же дело. Только виновен не головорез, воткнувший нож ему в спину, а тот, кто отдал приказ. А этот человек живёт в столице. И я его найду.

– Так что ты хочешь делать сейчас?

– Дать тебе спокойно родить и оправиться от родов, – улыбнулся Рейн. – Потом, вероятно, придётся потратить несколько месяцев, распутывая то же самое, что и тут, в четырёх других портах... Ты не против немного со мной попутешествовать?

Я захлопала глазами.

Выходит, мои собственные планы отодвигаются ещё на несколько месяцев?

Но бросить Рейна после того, как тот меня выручил, можно сказать – спас, я не могла.

Значит, подожду. Маги – долгожители, а терпение – добродетель.

Правда, оставался ещё один, чисто шкурный вопрос. У меня уже было накоплено почти триста соленов. И прежде сознание, что с каждой неделей запас увеличивается, грело душу. Но не станешь же заикаться тому, кто зовётся мужем,

что он задерживает еженедельное жалование? Женам – уж не знаю почему – платить не принято.

Но с другой стороны, брак с Андреасом чётко показал, что бывает с влюбленными бессребреницами, которые стесняются лишний раз рот открыть...

Ладно, до родов потерплю. А там будет видно.

* * *

Я сидела в кресле – стул последнее время стал казаться неудобным – и рассуждала вслух:

– Десятки тысяч соленов. Одна монета весит примерно треть сэстоуна, значит, десять тысяч крепкому мужику еле-еле уволочь. А пятьдесят тысяч – тут уже без телеги не обойдёшься. Выходит, должны быть векселя, банк, где всё это хранится...

– И это – ещё одна нить, – вздохнул Рейн. – Займёмся.

Я открыла рот, чтобы согласиться... и вместо этого ойкнула, получив душевный пинок под рёбра изнутри.

– Что с тобой? – напрягся Рейн.

– Толкается...

– Позволь потрогать?

Вопрос застал меня врасплох. Настороженно уставилась на названного мужа. Рейн фыркнул и пожал плечами. А потом повторил:

– Так можно?

Теперь, хмыкнув, плечами пожала я.

Он принял это за разрешение. И, аккуратно переместившись на ручку моего кресла, положил ладонь рядом с моей. Едва касаясь. Бережно. Неподвижно. Это он прав. Если бы начал гладить или щупать, я бы живо надавала по рукам. А так неприятно не было. Ага, вот сейчас! Накрыв его кисть своей, сдвинула влево – и вовремя! – меня снова брыкнули изнутри.

– Ничего себе! И часто так?

– Ну, не скучаю, – улыбнулась я. А что ещё тут скажешь?

– Сита, сегодня был трудный день. Давай ты приляжешь отдохнуть?

В принципе, я была не против. И всё было бы совсем отлично, если бы, выходя из моей комнаты, он не бросил через плечо:

– Ты так мило покраснела, говоря о том, что у нас было...
Я возмущённо уставилась ему в спину.

Вообще, мне было не до странностей поведения названного мужа – я начала обратный отсчёт. По всем прикидкам, ходить с животом мне осталось примерно неделю. Я прислушивалась к ощущениям внутри... и боялась. Как могла, скрывала это. Но Рейн – и тут я уже смирилась – видел меня насквозь. Он даже попробовал завести разговор на тему родов и моих страхов, но я обсуждать данный предмет отказалась наотрез. Захлопнулась, как устрица. Он покачал головой и

отстал.

А потом я поймала мужа на том, что тот листает медицинский справочник.

Произошло всё так. С кухни раздался грохот, вопль Бетани, потом собачий лай, и Рейн кинулся туда, уронив на пол книгу, которую обычно уносил с собой. Как выяснилось, ничего страшного не случилось, просто Хват с Рвачом поучаствовали, как могли, в приготовлении отбивных. Но я, не прикасаясь к книге, взглянула на обложку. «Акушерство и родовспоможение». Удивилась. Зачем ему это? Беспокоится, что ли? Или интересуется прежде незнакомой стороной жизни, а я выступаю в качестве наглядного пособия?

Раз в неделю заглядывал доктор Ильери. Слушал сердцебиение малышки, советовал есть рыбу и фрукты. А ещё, погрозив мне пальцем, заявил, что сидение в четырёх стенах ньерам в тягости не на пользу. Нужно обязательно бывать на свежем воздухе, гулять хоть немного, ходить... Иначе и нервы шалить начнут, и к застою крови привести может.

Мне идея не понравилась сразу. Дома я чувствовала себя в безопасности, а вот на улице – нет. Попадись я на глаза Андреасу или тем, кто следит за делами Холта, – и что будет? Мне не отбиться, не убежать... Так что я предложенные прогулки отвергла, сказав, что неделя погоды не сделает.

Рейн укоризненно покачал головой.

И всё же он меня выманил из дома. Сказал, что сходим недалеко – лишь до ратушной площади, на которой полно

охраны, а посмотреть фейерверк над гаванью сто́ит – не увижу, сама жалеть буду.

В самом начале августа Тариста ежегодно отмечала национальный праздник – День Корабля. Праздновали с размахом – в порту проводились состязания гребцов, корабли украшались флагами, в городе шли гуляния, а под вечер над морем устраивался салют. Останься я дома, и могла бы видеть из своего окна только зарево фейерверка над заливом.

Сознание, что скоро нам уезжать из Салерано, и если не посмотрю этот праздник сейчас, не увижу ещё долго, а может, и никогда, меня и подвело.

Любопытство погубило кошку. И не её одну.

Далеко решили не ходить – только до ратуши, откуда начинался зелёный бульвар с видом на залив. Договорились, что посмотрим на украшенные флагами и огнями корабли в гавани и салют – а потом тихонько пойдём домой. Собак не взяли – в праздничной толпе, где каждый третий был неадекватен и под градусом, псы сошли бы с ума. Или свели бы с ума нас. Или так и эдак.

Я надела купленный мне мужем лёгкий голубой, расширяющийся от плеч плащ. В таком наряде, да ещё с широкой юбкой, я смотрелась просто очень-очень солидной ньерой и не более того. Щадящий самолюбие фасон, ага.

Холт, как обычно, был в тёмном. Лето – не лето, праздник – не праздник – а вечно он выглядит как собственная

ть. По контрасту с обожавшим выставлять себя напоказ и гордившимся своей внешностью Андреасом смотрелось забавно.

Из дома вышли, когда небо на западе только-только пере-
красилось из дневного голубого в золотистый закатный. А
вернуться мы собирались с началом сумерек, до темноты.

Я опёрлась на руку мужа, и мы не спеша тронулись по ули-
це в направлении к ратуше. Если честно, я была рада про-
гулке. Ничего, скоро рожу и ка-ак загуляю!

На ратушной площади толпился празднично одетый на-
род. У помоста, где бесплатно разливали красное вино из
бочек, творилось что-то несусветное. С другого конца пло-
щади, от балаганного шатра, доносились взрывы хохота. Я
любила кукольный театр и не отказалась бы посмотреть, как
мельникова дочка обдурила короля, приехав к нему в гости
в рыбацкой сети на козле верхом. Не важно, что наяву пред-
ставить себе такое было затруднительно, – в сказке это смот-
релось очень и очень забавно.

Пока пробирались туда, рассказала Рейну, как читала на
стене ратуши объявления о приёме на работу. Со своими
комментариями. Тот фыркнул, улыбнулся.

– Твоё показалось мне самым безобидным. – Покосилась
на него и добавила: – А зря!

Он снова фыркнул.

Увы, на мельникову дочку поглядеть не удалось – в ку-
кольном театре шла пьеса о трёх купцах, решивших снаря-

дить один общий корабль. И о том, какая неразбериха из этого вышла... Особенно меня позабавила бочкообразная кукла с рыжей бородой торчком, отвечавшая на абсолютно любую реплику собеседников вопросом: «А сколько это даст прибыли?» Хохочущая толпа скандировала хором вместе с жадным купцом.

– Пошли, скоро начнется салют, – Рейн, проталкиваясь вперёд, потянул меня за собой прочь из толпы. – Зря мы сюда влезли...

Я двинулась следом, крутя головой. Странно, поначалу вокруг было много женщин, а сейчас вокруг стеной стояли одни мужики. Ускорила, спеша за мужем, шаг. И не среагировала вовремя. Просто, продолжая смеяться, совсем-совсем не была готова к тому, что случится. Меня сильно толкнули в спину, а потом что-то ударило по голове. Чувствуя, как подгибаются ноги и темнеет в глазах, попыталась крикнуть, предупредить Холта – но не успела. Мелькнула, опускаясь на голову мужа, волосатая ручища с зажатой в кулаке свайкой, а потом всё исчезло. Последним, что почувствовала, были подхватившие меня неласковые руки.

Глава 6

У некоторых мужчин женщины счастливые. У остальных они сильные.

– Что делать с бабой? Она, оказывается, на сносях.

– Свяжи покрепче!

– Руки за спиной я ей скрутил. Кляп в рот запихнул. А ноги тоже? Если связать – ей совсем плохо будет. Давай просто верёвку к кольцу в стене прицеплю, пусть сидит – куда она денется до утра?

– Чего паришься, жалеешь? Всё равно ей рыб кормить. Она только и нужна, чтобы этому хмырю язык развязать.

– Сэд, хочешь, сам ей ноги связывай. Говорю – к стене я её привязал.

– Ноешь и ноешь... – бас говорящего звучал недовольно. – Ладно, мужика связали, дверь – кашалоту не вышибить, пошли праздновать. А утром вернётся хозяин – пусть сам разбирается. Мы своё дело сделали.

Хлопнула закрывшаяся дверь.

Я терпела боль в вывернутых плечах и молчала. Моя главная драгоценность – живот – я чувствовала это – цел, на месте. А всё остальное – ерунда. Сейчас я предупреждена и не оплошаю – главное не спешить. Только темно так, что хоть

глаз выколи... Вот бы знать – где Рейн? Если сказали, что я нужна, чтобы развязать ему язык, значит, жив. Но где? Пожевала запихнутую в рот тряпку – даже голоса не подать! Может, он тут в другом углу и валяется. Тоже с заткнутым ртом. Дрыгнула ногой – ага, хоть нога свободна... заёрзала на заду, устраиваясь поудобнее.

Прислушалась. После того, как захлопнулась дверь, стало совсем тихо. Попробовала стукнуть пяткой по полу. Камень? Наверное, погреб. В пещере двери б не было. Во всяком случае, пещер с дверями и ровным полом я не встречала.

Пока размышляла, пыталась жевать кляп.

На крайний случай оставался выход, о котором думать не хотелось. Но он был. Если не смогу ничего сделать за ночь, утром меня поведут к «хозяину» и начнут мучить на глазах у Рейна. А чтоб орала громче – вынут кляп. Того, что я – маг, они не знают. Иначе б убили сразу. А так, как только увижу Рейна, их убью я. Жаль, конечно, что девятимесячные старания дать дочке магию пойдут прахом, – но я сделаю всё, чтобы она осталась жива. Мы остались живы. Всё. Что бы это «всё» ни значило.

В темноте раздался шум. Рейн? Попробовала замычать. Ничего не вышло, только чуть не задохнулась. Замерев, стала слушать.

В дальней от двери стороне кто-то, тяжело дыша, возился. Заморгала, взглядываясь. Бессмысленно – не вижу, вокруг черным-черно.

Возня продолжалась. Что-то стукнуло раз, потом другой. Потом послышался шум, словно что-то перекатилось. Затем всё затихло. И, наконец, когда я уже чувствовала, что схожу с ума от ожидания и неведения, знакомый голос прохрипел:

– Сита, ты жива?

Я выразительно замычала и стукнула трижды пяткой по полу. Надеюсь, примет за «да».

– Пришлось повозиться, пока просунул ноги в связанные сзади руки. Давно я такого не делал. Потом вынул кляп. Сейчас приползу к тебе, жди.

Жду.

Я так и не смогла разглядеть Холта в крошечной темноте. Только иногда по его просьбе стучала пяткой по полу, чтобы дать направление. А потом почувствовала, как голова мужа боднула меня в бок.

– Сейчас попробую сесть. Или ты наклонись... выну пальцами твой кляп.

Успех операции увенчался моим облегчённым: «Тьфу!»

– Где мы, знаешь?

– Нет. Дверь тут. Похоже на погреб. А ушли до утра. Я привязана за руки к стене. Зато ноги свободны.

– Очень актуально, – в голосе мужа послышалась невесёлая усмешка. – Надо освободить мне руки.

– Как?

– Можно попробовать перегрызть веревку на запястьях. Попытаешься? Сам попробовал – очень неудобно. Хотя...

Ну-ка, Сита, сейчас я подсуну тебе шею. Твоя задача – отодрать зубами угол воротника рубахи. Он пришит некрепко. Но мне самому не сделать.

– Зачем?

– Там в шве узенькая пилка. Гибкая. Вроде как для лобзика. Надо достать. Сможешь?

Чтобы сохранить магию в своём ребёнке? Смогу.

Пыхтя и сопя, придвинулись друг к дружке. Он старался не наваливаться мне на живот. Я пыталась дотянуться до его шеи. Длинные волосы, лезущие куда не надо – в основном в рот и в нос, – счастья не добавляли. От него пахло кровью. Похоже, опять голову разбили...

Наконец мне удалось ухватить зубами угол воротника. Потянула. Рубаха поползла следом...

– Сейчас. Я могу придержать лацкан руками, а ты дергай воротник...

Хорошо иметь выбор. Вообще, выбор – главное в жизни. Будешь несчастной в запертом дворце и счастливой в хижине, если распахнута дверь. И неважно, что лучшее – вот как сейчас – это не всегда хорошее. Главное – свобода выбора!

У меня было целых три возможности. Мусолить и грызть пахнущую смолой верёвку – наверняка она не очень толстая – на толстой неудобно узлы вязать. Воспользоваться магией – зажечь свет и рассечь пути воздушным лезвием. И, наконец, делать то, что я делала, – терзать воротник, уткнувшись

носом в мужнину шею. Он, зажав руками лацкан, натягивал ткань рубашки.

Пришито и в самом деле было на живую нитку. Раздался треск, ткань или шов – не разобрать – поехали.

– Сита, теперь аккуратнее. Постарайся нащупать и прихватить зубами конец пилочки. Как найдёшь – тяни.

Ага. Тяните пилы зубами! Звучит-то как! Но после этой ночи, если выберемся без потерь, я тоже нашиваю во все платья чего-нибудь актуально-полезного.

– Нашупала, – сообщила я ему прямо в ухо. – Говори сейчас, что делать дальше.

Ясно, с пилой в зубах, если чего не поймёшь, уже не переспросишь.

– Вытяни. Она небольшая, чуть длиннее ладони. Потом сядь прямо. Держи крепко – если упадёт, на полу нам её не найти. И не дергайся, а то выколешь мне глаз. Я наклонюсь к тебе, зажму зубами второй конец. А потом перепилю верёвку на запястьях. Всё поняла?

А то! Ясно главное – мне не надо жевать колючую пеньку или использовать магию.

– Поняла. Делаю, жди. Как буду готова, помычу.

Вышло не сразу. Главное, ухватить надо было крепко и надёжно, а полуоторванный ворот и волосы мешали. Рейн наклонил голову, пытаясь облегчить мне жизнь.

У меня есть выбор! – напомнила я себе, дергая зубами застрявшую в воротнике пилку. Сразу полегчало.

Вытянув, выпрямилась и замычала. Мол, готова. И замерла. А то действительно в темноте мужу пилою глаз выколешь!

Он возился жутко долго. Да ещё всё время стучал рёбрами ладоней мне по носу. Я сопела и терпела, удерживая свой конец. Верёвка пахла смолой – хорошо, что зубами эту гадость грызть не пришлось.

– Вот так! – Рейн напряг руки, и я услышала треск лопнувшей верёвки. – Сейчас, поддержи пилку ещё немножко. Разомну кисти, возьму её, освобожу себе ноги и тебе руки. Ты как, сильно пострадала?

– Вроде цела... – отозвалась я. Скорее бы он мне руки развязал – плечи болят так, что завывать хочется.

– Всё, я свободен. Отклонись, насколько можешь, от стенки, – я почувствовала его ладонь на плече, потом она скользнула за спину.

Но с пилкой – это он молодец! Интересно, это всё сюрпризы? Или у него ещё есть что-то, например, отмычка в ширинке? Помотала головой – видно, сильно меня приложили, если приходят такие дурацкие мысли...

Его руки делали что-то у меня за спиной. Дёрнули. Потом стало чуть свободнее.

– От крюка отцепил. Развернись немного, перепилю верёвку.

Я заёрзала, отползая от стены. И тут почувствовала это. По ногам хлынуло что-то горячее. Много. Владыка Рианнес, это что – вбды? Моя дочь решила, что ей пора родиться? Ох,

как же не вовремя... Но разве всё не должно начинаться с постепенно усиливающихся схваток? А если только отошли воды, а схваток нет, у меня есть всего три или четыре часа, чтобы начать рожать. Дальше всё может обернуться худо...

– Сита? – почувствовал, как я напряглась и закаменела, Рейн.

– Лопнул околоплодный пузырь, – сообщила ему мёртвым голосом.

Он выругался, звуки возни за моей спиной стали интенсивнее.

А я сидела и прислушивалась к происходящему внутри. Вот поясницу сильно прихватило. Это хорошо? Ага, и живот болезненно напрягся... Только руки за спиной очень мешают, неудобно. Уф, отпустило...

– Сейчас развяжу тебя. Больно?

– Нет.

– Лгунья. Потерпи, ещё чуть-чуть...

Пока он пилил верёвку, стараясь не поцарапать мне руки, скрутило ещё раз. Сильно. Я стискивала зубы – да, да, ночь выдалась такая, для зубов тяжёлая! – и радовалась. Потому что у меня возник план. До утра далеко, очень далеко. А я молодая, здоровая, сильная. Пусть мне теперь не сбегать, но, если успею родить, то встречу утро магией с ребёнком на руках.

У меня снова есть выбор!

Рейн обыскал подвал. Пусто. Точнее, нашлась одна большая бочка в дальнем конце. По стуку полная. Интересно, что в ней? И дверь в противоположном. Окон нет. Ничего нет. Есть скрежещущая зубами я на полу.

Он присел рядом, нашарил мою руку.

– Дыши. Расслабься, не пытайся напрягаться. Можешь лечь на левый бок, если так удобнее. Давай вот, мой камзол тебе под голову... И не бойся.

Потом муж сидел рядом, считая время между схватками и заговаривая мне зубы какой-то абсолютной чушью тех времен, когда он учился вместе с правящим монархом в элитном военном училище. Я не запомнила ни слова. Затем было что-то про забавные обычаи островов Физанты, где Рейну тоже довелось побывать. К этому моменту я успела полежать на боку калачиком, постоять на четвереньках, а теперь полусидела-полулежала, упираясь плечами в стену, а ступнями полусогнутых ног в мужа, и скручивало меня уже каждые две минуты. Рейн протянул мне руки, и я вцепилась в его запястья так, что наверняка завтра синяки будут. Что происходило внизу, под юбкой, было в прямом и переносном смысле покрыто мраком. Долго ли это длилось – не знаю, я потеряла счёт времени, все силы уходили на то, чтобы дышать и не орать. Ведь если кто сюда и придёт на шум – то точно не помощь...

Женщины, как гласит опыт человечества, рожают везде. В кроватях, телегах, каретах, на поле боя и вообще, где при-

спичило. А я – магиня, умею управлять и дыханием, и ритмами тела... неужели не справлюсь? Ма-а-ама!!! Напряглась в очередной раз...

– Рейн, что там? – казалось, внизу что-то изменилось. Разжала сведённые пальцы, отпуская его запястья. Нет, тьма сводит с ума. Плохо не представлять, что делаешь. Вот чего я тарашусь в никуда? Может, задрать подол, сунуть руку и пошарить? Нет, наверное, не стоит. Тем более, руки грязнущие. И живот мешает. Хватит мужа, который пытается что-то понять на ощупь. Он же тоже ни бельмеса не видит! Гм, а я хочу, чтобы видел? Сидеть вот так с раздвинутыми ногами перед полужнакомым мужчиной? Да, сейчас это неважно... но потом я это вспомню. И уже не забуду. И неудобно рядом с ним мне будет всегда. Так что пусть не видит, так даже лучше. Ребёнку не вредно, а собственное любопытство засуну куда подальше... ох-х... опять началось! Больно-то как! Напряглась, тужась в очередной раз... и внизу, там, где под подолом возился муж, раздался плач, похожий на мяуканье.

– Я его держу! – напряжённым голосом сообщил Рейн.

– Тряпку подложи! У тебя руки грязные! – забеспокоилась я.

– Сейчас. Я забыл, что теперь?

– Она дышит?

Глупый вопрос. Если кричит – разумеется, дышит.

– Дышит, возмущается, даже брыкается!

– Пуговину перережь!

– Минуту... Подержать малышку можешь? Я достану пилку.

Взять на руки своего ребёнка? Конечно!

Протянула вперёд дрожащие пальцы, нащупывая руки Рейна, какую-то тряпку и её – мою маленькую дочку, – горячую, влажную, живую. Только надо взять надёжно и поддерживать головку, а ничего не видно...

Вправе ли я уже колдовать? Думаю, да. Теперь моя малышка уже не часть меня. А магии я накопила море...

Щелкнув пальцами, зажгла крошечный огонёк. И заморгала, ослепнув от света после крошечной тьмы.

– Предупреждать надо, – стоящий на коленях голый до пояса Рейн тоже хлопал глазами как сова, прижимая к груди закутанного в его разодранную рубашку младенца. От свёртка ко мне под юбку тянулся толстый неровный жгут.

Глупая, но такая понятная реакция – мы оба уставились на ребёнка. Я протянула ладони, бережно взяла своё дитя на руки. Да, девочка, как мне и хотелось! Солнышко моё ненаглядное!

Холт сунул окровавленную ладонь в карман штанов, вынимая узкое лезвие. Зажал пуповину в левой руке и правой в два движения рассёк петлю. Всё! Теперь я точно могу магичить!

Сейчас надо перевязать пупок у малышки и подождать следа... Интересно – который час? Прислушалась к себе – вместе с магией вернулось чувство времени, – ага, четыре

утра, час Ночной кобылы. У нас ещё куча времени, можно не суетиться. Только спать очень хочется. И пить. И голова болит...

Кстати, голову я теперь могу подлечить. Удерживая дочку левой рукой, правой нащупала шишку на затылке, одновременно начиная заклинание. Да, сразу стало легче. Посмотрела вниз, туда, где из-под подола торчали ноги. Ага, живот резко уменьшился – в этом смысле полегчало тоже.

Перевела взгляд на мужа – страшный какой! – бледный, лицо и руки в крови. Здорово ему досталось.

– Рейн, ты как?

– Жить буду. Но если б я был котом с девятью жизнями, то сказал бы, что две из них в этом Салерано я оставил... Ничего... зато посмотри, какую ты красавицу родила!

– Голову сюда давай, подлечу.

– Вот теперь верю, что ты – маг, – улыбнулся он через минуту. Переполз к стене, привалившись к кирпичной кладке рядом со мной и свесив кисти рук между колен. Повернул лицо ко мне.

– Вроде её сейчас к груди приложить нужно.

Ну да, он прав. Потянула вверх подол рубашки.

– Рейн, сейчас пятый час утра. Через пару часов за нами могут прийти... Будем ждать? – покосилась вниз, на задранную рубашку, из-под которой раздавалось чмокание. Интересные ощущения. И приятные. Даже очень...

– Сита, ты можешь открыть дверь?

– Легко.

– А что ты способна делать с людьми?

– Оглушить, ослепить, заколоть. Я ещё не убивала ни разу, но думаю, что могу. – Сомнений в сказанном у меня не было.

– Давай попробуем выбраться по-тихому. Всё же драться с младенцем на руках – не дело. А дальше всё будет зависеть от того, где этот дом. Думаю, из Салерано нас не увозили.

– Подожди. Ещё не вышел послед, а потом нужно будет остановить кровь...

– Прислоняйся ко мне...

Прежде чем уходить, я передала Соль на руки мужу и убрала всё, что осталось на полу от нас – мокрые тряпки, пятна крови, обрывки верёвок. Маг может сотворить многое, имея кровь или другие телесные выделения, и учитель вдолбил мне в голову прочно и накрепко: хочешь жить долго и счастливо – не следи!

Закончив, подошла к двери, приложила ладонь. Замок послушно щёлкнул. Вот так!

Загасив светлячок, медленно, чтоб не скрипнула, приоткрыли дверь и прислушались. Тишина. Переступив через порог, я обернулась. Наставила палец на бочку, и та с треском лопнула, выплеснув на пол тёмную волну. Фу-у! В носу запершило. Судя по воню – перебродившее прокисшее пиво. Но если я что-то и недочистила – то эта гадость разъест и смоев всё. Что нам и нужно.

Короткий коридор, узкая каменная лестница наверх в конце. Через две дюжины ступеней ещё один коридор с деревянными дверьми с двух сторон. Понятно, подвал. Может, в этих комнатах окна есть? Заглянули, проверили. Ага, есть – под самым потолком для очень тощей кошки.

В итоге, проплутав ещё четверть часа, мы вышли через чёрный ход рядом с кухней в предрассветный сумрак. На кухне Рейн разжился большим тесаком, а я, не удержавшись, выхлебала ковшик воды – пить хотелось нестерпимо.

Не успели ступить на мощённую плиткой дорожку, как из тени большого дерева на нас бросился рычащий пёс. Не страшно – шевельнула рукой – пусть спит... Хорошо хоть лай поднимать не стал. Видно, тоже тренирован убивать молча, как наши.

Мне сейчас было море по колено – в крови плескалась, бурлила, пела, пенилась, звенела освобождённая магия... Я даже, щёлкнув пальцами, затворила за нами на засов изнутри калитку, ведущую на улицу. Пусть думают, куда и как мы исчезли. Да и были ли мы тут вообще? Ну и влетит тем головорезам, когда они доложат о том, что нас поймали, – а в подвале не окажется ни следа пленных, только пивная лужа. Уплыли! Или вообще спьяну померещились!

Вот только где мы сейчас? Ну да, вроде город... но Салерано большой.

– Я знаю, где. Я даже был в этом особняке. Он принадлежит первому заместителю градоначальника – ньеру Сивано.

Кто он – это отдельная история, расскажу тебе дома. Давай мне малышку, и пошли отсюда. Нам недалеко...

Уже рассвело, когда мы добрались до своего крыльца. Я едва ковыляла, цепляясь за руку Холта – чувствуя, что запал погас, фонтан иссяк, бобик сдох, а сама я свалюсь сейчас мешком прямо на улице, как те пьяные, которые после праздника храпели чуть не в каждой подворотне или канаве. Преимущество тёплого климата, так сказать, – где напился, там и спать завалился.

И в прихожей ноги всё-таки подкосились...

Рейн передал малышку заахавшей Бет – добрая кормилица так и не ложилась спать – ждала нас всю ночь. А сам подхватил меня на руки и понёс наверх, в спальню.

Что было дальше – не знаю.

Спала я до вечера. Открыла глаза и, вспомнив всё, встревоженно заозиралась – где мой ребёнок?

– Не волнуйся, вот она, рядом, в корзине. Дать тебе, кормить будешь?

Рейн, осунувшийся, ещё бледнее обычного, поднялся из кресла:

– Раз проснулась, пошлю Бетани за доктором – пусть придёт, вас осмотрит.

– Не надо, – отмахнулась я, – всё нормально. Теперь я сама себе доктор, и получше ньера Ильери.

– Тогда не мешаю. Как покормишь – позови. Переложу её назад в корзину, и, – замялся, – нам нужно поговорить.

Я кивнула, зачарованно глядя на покрытую светлым пухом головку у своей груди. Какие кулачки крошечные... и миниатюрные пальчики с малюсенькими ноготками. Одно слово – чудо!

Чудо засопело, из уголка мягкого ротика поползла белая струйка.

А я сидела, держала её на руках и смотрела, смотрела...

Наверное, Холту надоело ждать – он постучал сам. Следом вошла Бет с подносом: стакан чая с молоком, печёные яблоки с сахарной корочкой на блюдечке и на другом – три котлеты, от которых поднимался парок. Я, вдохнув запах, сглотнула. Сейчас сама слюной капать начну!

Когда Бет унесла пустой поднос, Рейн пересел в изножье кровати. Взглянул на меня, потом, потупившись, уставился в пол и заговорил:

– Ньера Алессита, я виноват перед вами...

Вздыхнул.

Ого! А чего это он вдруг перескочил на «вы»? Вскинула на него глаза – чёрный и серьёзный, как гробовщик. Смотрит не на меня, а куда-то в пол.

– ...Я представить не мог, что на нас нападут вот так, посреди дня, в людном месте. В результате моей недалёковидности и беспечности вы и ребёнок чуть не погибли. Если вы

желаете развестись немедленно, я дам согласие и подпишу все бумаги...

Ничего себе! Чуть прищурилась, пытаюсь рассмотреть ауру. Похоже, говорит правду. Точнее то, что считает правдой.

– ...Только оставьте ребёнку моё имя – это уберёжёт вас от претензий бывшего мужа. И позвольте обеспечить малышку и вас. К сожалению, больше ничем компенсировать причинённый ущерб я не могу. Единственно, когда завершу это дело, если вам будет это интересно, – могу представить вас ко Двору и помочь устроиться в столице.

И замолчал.

М-да. Если честно, я, пока кормила Соль, сама думала, как бы побыстрее развестись. Ведь в следующий раз может и не повезти. И вчера мы были на грани. Урони меня – бесчувственную – эти бандиты со ступеней, пни в живот – и моей девочки сейчас не было бы на свете. Рисковать ребёнком я не стану в любом случае – пиратство там или что. В первую очередь я мать. Во вторую – хочу позаботиться о себе. И хорошо понимаю, что не в моих силах противостоять тем, кто топит целые корабли и не боится похитить королевского эмиссара.

И, тоже честно, на Холта я была зла. Здорово зла. Знал же, во что втягивает! Хотя последствий и не предвидел. И не предполагал, что могу пострадать я.

Но, похоже, сам он корил и грыз себя ещё сильнее. Вот сидит несчастный и смотрит в пол. Но как он держался в том

подвале! И, если уж быть честной до конца, виноват не он один. Ведь изначально он всего-то давал переписывать мне бумаги – рыться и копать в том, что меня не касалось, начала я сама. Не задумываясь о последствиях. Вот и получила за любопытство.

Вздохнула и соврала:

– Ньер Холт, я не в обиде за то, что произошло. – Называть его на «ты», когда он сам предложил более отстранённое обращение, казалось недопустимой вольностью. – Да, опасность была. Но я виновна не меньше вас. И всё обошлось. Кто знает, может, останься я дома, в безопасности и покое, затянувшийся срок беременности обернулся бы фатальными осложнениями?

Интересно, он так и будет в полу дыру взглядом вертеть? Рот кривится, веки опущены. Ни слова в ответ.

– Ньер Холт, скажите мне... – нарочно сделала паузу, заставляя его поднять на меня глаза, – а где вы храните отмычки?

Во! Попала! Захлопал на меня округлившимися глазами, брови на длинном лице встали домиком. Похоже, ньер ждал какого угодно вопроса, но только не этого.

– Ещё одна пилка была во внутреннем шве штанов, а отмычки под подмёткой сапога. – И, заставив меня задуматься, зачем-то добавил: – Вторая пара.

Интересно как!

Выходит, если б его не убили сразу или не переломали

обе руки, он мог бы выкрутиться сам. Верёвку на руках пришлось бы грызть, но это – не худшее из зол. Освободил бы руки, достал свою пилку, разрезал путы на ногах, открыл отмычками дверь и сбежал.

И я могла бы спастись, положив магией всех, кто пришёл бы ко мне утром. Правда, это дорого бы обошлось дочке, но живы бы мы почти наверняка остались.

А вот благополучно родить без него я бы, наверное, не смогла. Он подпирал меня, поддерживал, отвлекал, заговаривал зубы, давал силы, когда я падала духом. И, наконец, принял ребёнка на руки. За это я буду благодарна всегда.

– Дайте мне руку, – попросила его. И, поймав кисть, сдвинула манжет. Ага, правильно я запомнила. Чуть выше костистого запястья на белой коже предплечья виднелись свежие круглые синяки и полукружья ранок от моих ногтей. Видно, цеплялась я за него конкретно. А он терпел без звука, да ещё меня успокаивал...

Замечательный мужчина! Ну почему я не вышла за такого?

Грустно улыбнулась своим мыслям. Вот как раз вышла, только не так, как надо бы. Замужем, но фиктивно. И, похоже, недолго нам осталось быть вместе...

Пожала плечами:

– Нет худа без добра. Теперь мы знаем, кто стоит во главе пиратского промысла в Салерано. Вы расскажете мне об этом ньере Сивано? И о том, что собираетесь предпринять

дальше?

– Замахнуться на него нам будет сложно, – протянул Холт. – Я уже узнал, что всю ночь он провёл на балу у губернатора. Вместе с градоначальником и толпой других уважаемых титулованных персон, – прищурился и задумчиво добавил: – Сложно, но возможно. Подмогу я уже вызвал.

Интересно, как? Письмо бы отправить не успел, да и долго очень. Клетки с голубями в доме я не видела. Выходит, магическая связь. Если он – личный эmissар короля, у него может быть зеркало, шар или амулет. Спросить? Или не лезть? Ладно, промолчу.

– Так, ньера, что насчёт развода? Скажете мне, когда решите?

Я подняла на него глаза.

– Ньер Холт, можете ответить мне абсолютно честно на один вопрос?

– Постараюсь.

– Хорошо. Скажите, вы сами хотите со мной развестись?

– Да. Вам оставаться рядом опасно. – Замолк. А потом вдруг уставился мне в глаза и выдохнул: – Вы хотите честного ответа, ньера? Тогда – нет!

– Спасибо. Отвечаю, ньер: я решила. Я остаюсь с вами, пока мы не завершим это расследование. Теперь я сама могу защитить и себя, и дочь, и даже вас. И, кстати, вылечить лучше, чем этот бестолковый ньер Ильери. Пересядьте ближе – хочу посмотреть вашу голову.

Холт покосился на меня, коротко кивнул... и фыркнул. А потом переместился на край кровати почти к подушке.

Аккуратно разбирая вороньи пряди пальцами, покачала головой.

Продешевила.

Надо было сказать не «один вопрос», а «несколько вопросов». А как теперь узнаешь, зачем я ему сдалась? А ещё интереснее спросить у себя самой – почему меня это вообще волнует? Я же вроде хотела после родов вернуться назад, в семинарию, к учителю?

– Вы ёрзаете, ньера.

– Да. Хочу знать, а почему вы не хотите разводиться?

– Это уже второй вопрос.

Вот так я и знала!

Но тогда ладно. Неприятно об этом говорить, но придётся – на мне и за мной – ребёнок.

– Ньер Холт, у меня есть ещё один вопрос. Я так понимаю, что у нас с вами деловое сотрудничество, верно? Я хотела бы поговорить о своей оплате.

Он снова фыркнул. Как мне показалось, недовольно.

– Сколько вы хотите, ньера?

– Немного. Сорок соленов в неделю.

Я занизила сумму – сама я могла бы, делая в неделю по паре средних по сложности заказов – например, заколдовав дом от пожара или вылечив больного средней тяжести, – получать втрое больше. Но тут у меня был кров, защита от быв-

шего мужа с его претензиями, долг перед Холтом... и интерес.

По моим прикидкам, с тем, что у меня уже есть, и тем, что получу за пару ближайших месяцев, получится достаточная заначка, чтобы начать свободное плавание не с нуля.

– Хорошо.

Сказал, как отрезал. Встал, вышел из комнаты. И через несколько минут постучал в дверь снова.

– Ньера Ориенси, вот ваша оплата за последние три недели, – кинул кошелек мне на кровать и, не прощаясь, вышел.

Наверное, я и в самом деле его разозлила, раз по фамилии называет.

Хотя пусть сердится, сколько влезет. Важнее не остаться на улице без денег с малышкой на руках.

Глава 7

Кто утверждает, что деньги могут сделать всё, вполне вероятно, сам может сделать всё ради денег.

Б. Франклин

Через три дня я решила, что могу встать на ноги. В принципе, я бы оправилась и быстрее, но наш ночной марш-бросок сразу после родов вызвал новое кровотечение. Я подлечивала себя магией, но в меру – лучше, когда выздоровление происходит естественно.

Тело казалось непривычно лёгким. Только почему-то присутствовало ощущение, что конечности превратились в вареные макароны. Потыкала пальцем в живот – пустой и мягкий. Брр! Интересно, залечь в ванну, поплавать – это разумная мысль? Наверное, пока не очень. Вздохнув, решила ограничиться душем с головомойкой.

А ещё я каждые пять минут подходила, чтобы заглянуть в корзину, где спала моя крошечная дочка. Солнышко просыпалась, только чтобы поесть – отсутствием аппетита моё дитячко не страдало. Распахивала голубые глаза – взгляд был ещё туманным, несфокусированным – и улыбалась. Интересно, когда подрастёт, глаза по-прежнему будут голубыми, как у Андреаса, или станут как у меня – серыми? Мне бы хотелось, чтобы внешностью она пошла в отца – пусть от него

хоть что-то хорошее достанется.

Холт заглядывал пару раз в день – рассказать новости. Задерживался ненадолго, держался скованно, и мы снова были на «вы». Ньер, ньера...

Зато Бетани забегала при любой возможности – поболтать, поахать над колыбелью, просто посидеть рядом. Принесла старые мягкие простыни, из которых получились отличные пелёнки, и где-то на чердаке даже разыскала игрушки. Правда, те были не для младенцев – до коня-качалки Соль дорастёт ещё не скоро.

В свободное время – то есть когда я не дрыхла, как садовая соня зимой, и не кормила малышку – думала. Основным вопросом было: а зачем Холт вообще пустил меня в дом?

Выходило так. Во-первых, поговорив со мной, он убедился, что я точно не имею отношения к его врагам. Разругавшаяся с мужем магиня в тягости – такого нарочно не придумаешь. Одно это много стоило. Во-вторых, маги в среднем заметно умнее и образованнее прочих граждан. Сама профессия требует эрудиции, хорошей памяти и дисциплины ума. То есть в качестве клерка и секретаря я наверняка бы подошла.

Но и это не всё. Было ощущение, что Холт пытался втянуть меня – и успешно втянул – в свои дела. Спрашивается, какова вероятность уговорить хорошего мага заняться – причём с риском для жизни – сыском? Правильно, нулевая. Разумный маг пошлёт куда подальше прямо с порога явив-

шегося к нему с такой инициативой что эмиссара, что комиссара. И будет прав. И никак ты на этого мага не повлияешь и не надавишь. Ибо он совершенно не обязан лезть, куда не нравится. А тут к тому самому эмиссару магиня сама пришла и на службу попросилась. И неважно, что без магии. Он же знал, что это – временное и магия вернется. А теперь я, несмотря на незапланированные роды в чужом подвале, чувствовала себя обязанной. Ведь, как ни крути, но Холт помог... Выходит, я должна расплатиться.

И последнее, совсем уж непонятное. Он заключил, чтобы меня выручить, брак. Я бы решила, что цель этого, как и у Андреаса, привязать полезную перспективную меня покрепче. Но были детали, которые в эту картину рационального прагматизма не вписывались... И именно они тревожили больше всего.

Хотя нет. Это не последнее. Последним было то, что я поняла, что очень хочу знать, чем закончится эта история. И если Холт дал слово, что отпустит меня, как только я о том попрошу, и у меня есть выбор, то почему бы не задержаться ненадолго, не помочь и не узнать?

Новости были такие. Два дня назад с ночным приливом на рейд встала дюжина кораблей королевской военной эскадры. И одновременно в редколесье у южной окраины возник палаточный лагерь – под предлогом проведения учений прибыли два полка кирасир.

Холт прокомментировал это по-другому:

– Лошадь всё же выбежала из конюшни... Жаль, но сейчас просто делаем, что можем.

– А что можем? – полюбопытствовала я.

– Не так мало, – недобро прищурился Холт. – Ваша любимица «Чайка» уже сорвалась с рейда. И не она одна.

– И?

Разве хорошо, что шхуна, замешанная в пиратском промысле, уплыла невредимая со всей командой на борту?

– Что и? За Сигнальным мысом поджидала вторая эскадра – прямо в её горячие объятия «Чайка» и влетела. Вышло интересно – в плаванье на корабле собрался известный вам ньер Ярит, а в каюте у него нашли шкатулку компромата на подельников – похоже, так ньер страховал свою жизнь. А кроме того, прикиньте, как удачно, – не надо обшаривать все таверны и злачные места, вылавливая матросов. Те сами собрались в удобную для ареста кучу. И, наконец, о том, что «Чайка» и ещё два корабля попались, никто не знает – с берега-то этого не было видно!

Ух ты... И в самом деле умно. И так не будет волнений или боёв с головорезами в городе, никто из мирных жителей не пострадает.

– А этот? Как его, ньер Сивано? Что с ним?

– Он тоже был арестован – моего слова и влияния хватило. В первый же вечер его навестили несколько очень влиятельных друзей – принесли еду из хорошего трактира и све-

жее бельё. Потом зашёл адвокат с бумагами. Ещё побывала какая-то дама под вуалью. А утром ньера обнаружили мёртвым. Врач написал в свидетельстве о смерти, что не выдержало сердце. Вот так.

Я вздохнула. Похоже, нить оборвалась... Точнее, её оборвали.

Но, если вдуматься, было бы куда хуже, если б этот Сивано – живой и обозлённый – оказался на свободе.

– Всех сообщников, о ком мы знаем, – продажных таможенников, купцов, одного банкира, пару скупщиков драгоценностей, – замели. Пригрозили виселицей – сейчас они рассказывают, кто что знает, наперебой. Беда в том, что круг их сведений ограничен Салерано. То есть в следующем городе придётся начинать заново.

Встал, подошёл к двери:

– Планируйте переезд через неделю. Как, успеете оправиться?

Кивнула.

Успею.

Как только я поднялась, начала магичить. Сначала постаралась, насколько смогла, обезопасить дом. Объяснила Холту, что именно хочу сделать. И почему. Причина была проста – мы-то уедем скоро в другой город, а вот тётушка Бет останется тут. Так пусть у доброй женщины всё будет хорошо. Заклинания защиты от огня, от сглаза, от чужой магии я

знала назубок. Когда закончила, чуть не упала... Хватит, до завтра не колдую – только сплю! Но теперь пусть кто-то силы моего экс-муженька попробует сюда сунуться – не выйдет ничего, а по носу крепко получит!

А вот дальше я споткнулась. Для воплощения задуманного нужны были мои книги. Те самые, которые остались в доме мужа. Надеюсь, у Андреаса хватило ума и жадности их не выбрасывать и не трогать. Тронул – клянусь! – навеки лысым сделаю!

Холт застал меня, когда я, сердитая, как мокрая кошка, металась по комнате, собираясь нанести визит бывшему. Ни одного приличного платья! Одно старьё с тёртыми локтями времён семинарии! Ну и пусть! Ничего. На платья заработаю. А как он на меня посмотрит – мне наплевать. Иду не шуры-муры разводить, а забрать своё!

– Я пойду с вами, ньера, – тон названного мужа отказа не предполагал.

– Сама справлюсь.

– Нет. Одну я вас не отпущу.

– Я не спрашиваю разрешения, мне нужны мои книги, и я их возьму. И помощь в этом мне без надобности.

Хватит с меня мужчин. Этот тоже... сначала: «Рейн, Сита...» А потом вожжа под хвост попала – и снова стал ньером Холтом. И точка.

– Умная женщина и здравомыслящая женщина – это две

разные женщины, – задумчиво произнёс Холт, глядя в потолок.

– Аа-а?! – не поняла я.

– Вы умная. Но здравого смысла – увы... Вот придёте вы одна, и бывший тут же решит, что со мной вы расстались. Ибо какой муж отпустит свою жену одну в дом к другому мужчине? И что сделает ваш экс-хлыщ? Правильно, галопом поскачет к знакомому нам храмовнику за очередным предписанием... Второй резон – вам нужен свидетель, что при посещении дома бывшего супруга вы не кидались на него с ножом, не вредили имуществу, не устроили поджог и не украли столовое серебро... Продолжать надо?

Вздыхнула – ведь прав по обоим пунктам.

– Хорошо, ньер Холт, я готова. Идёмте? Кстати, серебра у нас не было.

Если ему не стыдно ходить по улице с облезлой мной в старом платье и если он спокойно относится к запаху рыбы... Ну, умный мужчина и мужчина без странностей – это два разных мужчины.

Знакомая вымощенная брусчаткой тихая улица. Знакомый дом на переломе подъёма. Ничего не изменилось. Пропали только горшки с геранью, раньше стоявшие около крыльца, – а так всё то же самое. Сердце кольнула тоска – как я радовалась, когда этот двухэтажный особнячок стал нашим! Сколько труда вложила, приводя в порядок переплёт-

ты окон, делая ремонт внутри. Старалась сэкономить каждый солен. Даже черепицу на подтекавшей вначале крыше ремонтировала сама. И руками, и магией. Вила гнездо с усердием весенней птицы. И вот теперь этот дом больше не мой.

Достала из кармана ключ. Поднялась по ступеням, прижала плечом дверь. Холт молча ждал за спиной. Кстати, через город мы шли рядом, а не под руку, как положено супругам. Он не предложил, я не стала набиваться.

Ключ не хотел лезть в скважину. А когда я его все-таки исхитрилась запихнуть, не пожелал поворачиваться. Что такое? Экс-гад сменил замок? Ну, ладно. Приложила ладонь к латунной пластине, сосредоточилась, пробормотала пару слов. Механизм послушно щёлкнул, отпираясь. Вот так!

Распахнула дверь... и поморщилась: из тёмной прихожей тянуло почти неуловимым ароматом протухшей миреньи.

Вот это да! Прошло же четыре месяца с лишним! Уж мог бы сподобиться и всё вычистить! Или припахал бы свою Орсетту. Пусть узнает, что к постельным обязанностям жены прилагаются другие – поломойные.

Ладно, задерживаться тут надолго я не собираюсь.

– Чем это так несёт? – вежливо осведомился Холт из-за спины.

– Миренья.

– Миренья?

– Да, миренья. Любимая рыба мужа.

Холт фыркнул.

Ничего, потерпит. Я его с собой не звала.

Не задерживаясь и не оглядываясь, прошла через гостиную к лестнице на второй этаж. М-да, тут амбре ещё духовитее. Может, подсказать бывшему – пусть хоть всё молотым кофе посыплет? Запах кофе – самый сильный из всех – перешибёт даже рыбный.

Я легко нашла четыре книги из моих пяти – два семейных гримуара и пару учебников по стандартным заклинаниям. Но куда делся справочник по целительству? Он был мне нужен, и очень... Редкое академическое издание, по деньгам тянет соленов на двести-триста. Это если ещё найдешь, где купить.

– Что-то ищите?

– Да одна из книг пропала...

Вот куда он её дел? Может, взял почитать? В смысле – изучать? Ведь зарабатывать надо. Значит, придётся зубрить самому... А где бывший у нас любил читать? Вечерами, лёжа в кровати. Ой, не хочу я заходить в спальню... но, похоже, придётся. Оглянулась на Холта. Тот с неким скепсисом на лице рассматривал полки. Повертел в руках длинную пожелтевшую кость. Фыркнул, положил на место. Протянул руку к одному из хрустальных шаров, отвесил несильный щелбан. Похоже, понимает, что всё это – чистой воды бутафория и показуха. Быстро до него дошло. А мне понадобился целый год, чтобы разобраться.

У двери мужниной спальни я замаялась. Почему-то оказа-

лось страшным открыть дверь. Сморщила нос и распахнула рывком. Уф, никого! Только неубранная постель и ворох одежды на спинке кресла. Ага! А вот и то, что мне нужно, – мой том в коричневом кожаном переплете, лежит распахнутый на тумбочке корешком вверх. Ну кто так книги кладёт? Есть же закладки!

Сунув раритет в большую холщовую сумку, поспешно вышла из комнаты, убегая от резанувшего по нервам запаха знакомого одеколона. Все-таки мне ещё больно...

Ладно. Сюда я больше не вернусь. Надо подумать, ничего важного не забыла? Если не могу вспомнить, наверное, нет. Значит, можно уходить. То, за чем пришла, я получила.

Проходя мимо дверей кабинета, бросила Холту:

– Уходим!

– Нашли всё, что хотели?

– Свои книги. Это главное.

– Помочь донести?

Я захлопала глазами. Это он чего? Рыбой так надышался, что в голове помутилось? Сумка у меня одна, отдавать – так всё целиком. А мои тома тянут стоуна на три-четыре. Можно, конечно, облегчить себе жизнь – пусть тащит, – но мудро ли злить того, на кого работаешь и от кого сейчас зависишь?

– Спасибо, не стоит.

Холт промолчал.

Всё же мы столкнулись с Андреасом. Почти внизу улицы

Трёх Жемчужин, когда я уже расслабилась и радовалась, что удалось избежать и неприятной встречи, и выяснения отношений.

Он вывернул из-за угла прямо перед нами. В клюквенном нарядном камзоле, шляпе с роскошным белым пером. Увидев нас с Холтом, сбился с шага. А потом заступил дорогу.

– Сита, ты что здесь делаешь? И... – подозрительно уставился на выпиравшие из сумки углы книг, – ... что ты несёшь?

– Забрала свои книги, – посмотрела я ему прямо в глаза. – Только свои.

– Ты не имеешь права!

– Они были моими до свадьбы, тому есть свидетели.

Ох, опять он нападает, а у меня не находится подходящих слов, чтобы его осадить...

Холт сделал шаг вперед, вклинившись между нами.

– Касательно прав, молодой человек. Что произошло с наследством моей жены, которое она получила от матери?

Лицо экс-гада стало даже не злым, а злобным, разом потеряв всю красоту. Андреас прищурился. Не на Холта, на меня:

– Так ему нужны твои деньги, да? Я так и думал. Кому нужна такая фригидная дурнушка за просто так? Кстати, что ж супруг тебя ни одним новым платьем не осчастливил? Не заработала? Узнаю старую синюю тряпку семинарских времен...

Договорить он не успел – кулак Холта с хрустом впечатался в Андреасову челюсть. Тот взвыл и шлёпнулся на задницу. Холт протянул мне руку, одновременно переступая через ноги поверженного экс-поганца.

– Пойдём, Сита!

Я заколебалась. В первый раз в жизни из-за меня кто-то кому-то набил морду, и я не была уверена – нравится мне это или нет. Взглянула на трясущего головой экс-гада. Да! Пожалуй, всё же нравится!

Опёрлась на протянутую длань, переступая через бордовый замшевый сапог бывшего.

Следивший за нами Андреас начал поднимать руку. Пальцы засветились синим...

– Только посмей! – сощурилась на него я. – Лысым навек сделаю!

Рука упала на колени.

Надеюсь, больше мы никогда не встретимся.

Я шла прочь по улице и думала о том, что Андреас – а он же видел, что живот у меня пропал! – ничего не сказал, даже не спросил о своём ребёнке. Ему было всё равно...

– Сита, у тебя такое лицо...

– Всё в порядке, ньер Холт.

– Не в порядке. Тебя задело то, что он сказал? Завтра же сходим к портному, закажем платье.

– Нет. Сейчас мне нужно зайти в ювелирный. По пути есть

два.

Холт озадаченно замолчал.

А я не собиралась ему объяснять, что собираюсь делать. Теперь, когда книга с нужным заклинанием у меня, я могла наложить на себя и дочку связующие чары. Я всегда буду знать, где находится моя девочка и всё ли с ней хорошо, а она станет чувствовать, в какой стороне я. Но для этого предстояло потратиться, и серьёзно. Так что денег на глупости вроде платьев у меня в данный момент не было.

Я попросила Холта подождать меня около магазина. Если зайдём вместе и продавец решит, что я выбираю подарок, оплатить который собирается спутник, – сдерёт втрое. А с одинокой женщины много не возьмёшь – только справедливую цену.

За длинную витую золотую цепочку и пару янтарных серёжек, которую я нашла во втором ювелирном, пришлось отдать сто пятьдесят соленов. Много, очень много. Но это была необходимая трата.

Домой я добралась уже совсем без сил. Всё же после сидения в доме такие пешие концы через половину города – это утомительно. Холт посмотрел на меня и фыркнул в пространство, что де он предлагал нанять экипаж – а я не захотела. Да, не захотела. Он сам провёл между нами грань. И брать у него деньги, вынуждать что-то на меня тратить – зачем мне такое? Наверное, если б я оставалась Ситой, то со-

гласилась бы. Но раз я стала ньерой Ориенси, то буду вести себя как ньера Ориенси. Стеснённая в средствах, но самостоятельная.

Отнесла книги к себе в комнату. Вынула из сумки. Поставила стопкой на комод у стены – красота-то какая! Правда, полюбоваться плодами похода в тылы врага мне не дала дочка – Соль проголодалась, о чем и возвестила из недр своей корзинки. Я, торопливо повторяя на бегу: «Сейчас, маленькая, сейчас...», порысила в ванную, мыть после улицы руки и всё остальное.

Ещё через час, когда сытая Соль, мякнув и срыгнув мне на плечо на прощание, уснула прямо у меня на руках, я задумалась – за что хвататься? На всё сразу сил не хватит. Но начну с Соль – она важнее всего.

– Ситочка, иди обедать, ты ж с утра голодная, – заглянула в комнату тётушка Бет.

Ох, как сказала, так в животе заурчало. И вправду есть хочу!

За обедом Холт сидел с прямой спиной, вилка в левой, серебряный нож в правой, и со мной не разговаривал. Я тоже молчала. Мы не болтливые, да.

К ночи я приготовила всё потребное. К ночи, потому что была женщиной, магинею. Почему-то у магов мужеска полу самые сильные заклятия выходили ясным днем. Считалось, что лучше всего колдовать в полдень дня Летнего Солнце-

стояния. А вот магиям принадлежала ночь. И ещё – удачно! – сейчас было полнолуние. Объяснить понятно, чем полнолуние лучше новолуния – ведь разница только в том, освещена или нет обращённая к земле сторона Луны, сама-то Луна никуда не пропадает, она так и сяк на месте! – никто толком не мог. Но работало. Как кто-то сказал, если это глупо, но работает, значит, это не глупо.

Вообще, магия – хоть и наука, но странная. Вот написано в гримуаре «две шерстинки из хвоста трёхцветной кошки» – и побежишь искать пёструю кошку. Хотя ясен пень, две волосины трёх цветов заведомо быть не могут. Но если выдрать их из двухцветной – заклинание не сработает.

Сейчас я поделила купленную золотую цепочку на два неравных отрезка. Это было важно – не две разные цепочки, а именно части целого. К каждой приложила по янтарiku из серёжек – камни я выбирала очень внимательно, чтобы были одного оттенка, от одного куска. Потом аккуратно срезала у малышки с головы несколько лёгких, как пух, светлых волосинок. А у себя из-под массы волос на затылке, там, где не видно, целую прядь.

Пока возилась – подошло время. Теперь – самое сложное. Раскрыла бабкин гримуар на нужной странице. Буквы словно горели, подсвечиваясь изнутри. Причем такими их видела только я. До меня – моя мама. После так будет видеть Соль. А вот для посторонних, даже магов, страница казалась серой и пустой...

Итак: кладу на позаимствованный у Бетани серебряный поднос две похожие стопки: янтарь, волосы, сверху свёрнутую в спираль цепочку. Протянула руку к своей кучке. Воздушным лезвием кольнула безымянный палец – семь капель крови, ага, сделала! Теперь Соль... Улыбнулась, глядя, как малышка причмокивает во сне – всего несколько дней, а уже научилась тянуть пальцы в рот! Было жаль, безумно жаль ранить собственное дитя. Но так нужно. И крови-то от неё надо только три маленькие капельки. Вот так. А потом я подую – и всё пройдёт. Спи, любимая, не плачь.

Ну, кажется, готово! Встав рядом с подносом лицом на восток, начала читать вслух слова из книги:

– Синат киршатт ордис пирит, соадли дарн риднтшэфари...

Я чувствовала, как вокруг сгустилось напряжение. А затем обе кучки на подносе вспыхнули не рыжим или жёлтым, как обычно, а ярко-красным, оттенка крови, пламенем. Поплыл запах пылающего янтаря, заглушая вонь сгорающих волос... Сила лилась из меня мощным потоком – а потом пламя исчезло. На блестящем подносе лежали две сверкающие цепочки.

А ещё я услышала, как кто-то стучит снаружи в запертую дверь.

– Ньера Алессита! Что происходит?

Холт? И что его принесло посередь ночи? И – вопрос во-

просов – почему? Таз я не роняла, демоны тут не завывали – всё тихо, вон Соль спит себе и спит...

– Сейчас, ньер Холт.

Переставив поднос на комод к книгам, запахнула пеньюар и открыла дверь.

В коридоре стоял босой лохматый Холт в белой длинной рубаше и торчащих из-под неё серых свободных портках до середины икр. Зато с мечом в руках. Очень мило! Оглядел меня с головы до ног и повторил:

– Что происходит?

– А что происходит? – решила я свалить дурочку.

– Ньера, не играйте со мной. Что тут было?

Выходит, он чувствует магию. Но при этом сам не маг. Вроде бы не маг...

– Ньер, заходите. И я отвечу на ваши вопросы, если вы ответите на мои.

Он кивнул.

– Ньер Холт, да, я колдовала. Сотворила первую часть волшебства, чтобы защитить своего ребёнка. На сегодня это всё. На вторую половину у меня просто сил не хватит. Сделаю завтра. А теперь ответьте мне – вы чувствуете магию? Как маг? Или вы и сам маг?

На его лице отразилось что-то сложное. Казалось, он решает – ответить мне или пропустить в своей манере вопрос мимо ушей.

– Моя мать была магом. Довольно сильным. Но ей, когда

она ждала меня, пришлось колдовать. Чтобы я мог остаться в живых. Так что у меня магии – кошачьи слёзы и мышиный хвост, – грустно пошутил он. – Но магию рядом, тем более настолько мощную, я чувствую.

Замолчал. Потом посмотрел мне в глаза:

– Это одна из причин, почему я захотел помочь, когда узнал, кто вы такая.

Ох! Такого ответа я не ждала... Лишенец. Маг почти без магии. Знать, что ты мог что-то иметь по праву рождения... да вот, не срослось. Но при этом протянуть руку и помочь, чтобы с кем-то другим не произошло того же самого.

Этого ничем не исправишь и никак тут не утетишь. Я никогда не слышала, чтобы к прирождённым лишенцам возвращалась магия. Если случалось так, что маг надорвался, перегорел, – у него ещё была надежда. Но если уж сложилось, что младенец лишился магии в материнской утробе... эх-х... Потому-то я так и берегла свою Соль.

Холт присел в кресло, поставил меч рядом и покосился на книги.

– Расскажите мне, что хотите сделать до отъезда из Салерано?

– Много чего, – улыбнулась я. Сейчас он выглядел не таким чопорно-отстранённым и высокомерным, как обычно. – Только всё растянется на несколько дней...

– А поподробнее?

– Завтра ночью закончу то, что начала сегодня, – вдавать-

ся в подробности, что именно задумала, я не хотела. Ни к чему. Это наше с Соль дело. Не нужно посторонним знать, что на ней стоит маяк. – А днём полистаю медицинский справочник. Там есть большой раздел о глазных болезнях. Может быть, выйдет хоть как-то помочь Бетани.

– Хорошо, – кивнул Холт. – Если справитесь, оплачу вам это отдельно, как стороннему специалисту.

Открыла рот, чтобы возразить... и закрыла. После сегодняшних трат денег осталось не так много. А честный заработок – не стыд.

– Что ещё? – поинтересовался муж.

– По работе – увидите. Не будем забегать вперёд. А ещё хочу всё же заставить блеснуть эти чёртовы люстры!

Холт качнул чёрной головой и усмехнулся. Поднялся.

– Раз проснулся – спущусь на кухню. Вам пирожков принести, ньера?

Подумала и кивнула.

Глава 8

*Суть добра – попросту в удовлетворении спроса.
Дж. Уильям*

Следующей ночью я снова разбудила Холта. Вторая часть заклинания была ещё навороченнее первой и выжала меня досуха. Нужно было надеть зачарованные цепочки на шею мне и Соль, а потом вбухать магию до последней капли, зачитывая абракадабру из бабкиного гримуара. Соль я держала на руках – в момент сотворения этого волшебства физический контакт, чем теснее – тем лучше – был необходим. Дочка будто поняла – помогла: присосалась к груди, прижавшись всем тельцем. Здорово, только отвлекает...

Но я справилась! Когда закончила – цепочки на наших шеях исчезли. Пропали, словно их и не было. А связь от них перешла на нас. Для проверки я положила Соль в корзинку, зажмурилась, раскрутилась на пятке, прислушалась к себе и ткнула пальцем в пространство. Открыла глаза – да, перст указывал на колыбель! Вышло!

От истощения вело... Захохотав, как баньши, раскрутилась с закрытыми глазами ещё раз – и, не удержав равновесие, села на пол. Зевнула. Спа-а-ать хочу до смерти... Надо мне лезть на кровать или и на коврике хорошо? Тепло, лето...

– Ньера! Ньера! Сита!!! Да очнись же, что с тобой?!

А этот что тут делает?

Махнула рукой, съездив пятерней работодателю по носу. И брыкнулась, когда меня, схватив в охапку, загрузили на кровать.

– Спасибо-о... – зевнула ему в лицо, натягивая на уши подушку.

– Беда ходячая, – вздохнул Холт.

Впрочем, к утру я уже не была уверена, что Холт мне не приснился. За завтраком тот сидел как обычно: подтянутый, чисто выбритый, одетый в тёмное, лаконичный. Даже, точнее, бессловесный. Кивнул головой – и всё.

Доев, щёлкнул пальцами.

– Ньера Алессита, есть разговор. Жду вас в комнате.

Я поперхнулась – ну что там ещё сдохло?

Оказалось, что он всё же вознамерился пошить для меня новые платья. Ну, вот зачем? Для дороги у меня есть пристойное саржевое, кофейного цвета. Подновлю магией, пришью свежий белый воротничок – и сойдёт. А по приёмам я дефилировать не собиралась. Меня наняли для работы с бумагами, анализа данных, ну и магии. Так на кой мне туалеты? Или его всё же задел упрёк, брошенный Андреасом?

– Ньера, это не обсуждается. Это не для вас – для меня. Пока вы числитесь у меня в жёнах... – Я поперхнулась от такой формулировки – вот так новый речевой оборот: «чис-

литься в женах!»! – ...Извольте выглядеть так, чтобы не ронять мою репутацию. – Поднял руку, пресекая возражения. – Считайте эти платья формой. Ведь гвардейцы сами себе мундиры не шьют? – И припечатал: – Мы идём к портному через час.

Блин! Ещё один командир нашёлся.

До ателье на большой торговой улице, начинавшейся от ратушной площади, снова шли пешком.

По дороге Холт рассказал о том, что расследование в Салерано продолжается. Перехватили в море ещё пару шхун с командами. Названия были мне знакомы – «Синелья» и «Меч-рыба». Замешанные в пиратстве матросы – в зависимости от степени вины – или повиснут на рее, или отправятся на рудники в колонии. И началась конфискация имущества коррумпированных чиновников. Причём ни причины, ни масштаб операции особо в тайне не держали – теперь, посмотрев, как особняк соседа пошёл с молотка, а сам сосед отплыл за море без обратного билета, любой крепко задумается, прежде чем соваться в подобный незаконный промысел. А гильдии – и купцов, и страховщиков – были весьма довольны. Выручка от конфискованного покрывает часть убытков, а в море станет немного – но безопаснее.

– О вашем участии не знает никто. Я решил, что вряд ли вы захотите получить премию соленов в триста, – усмехнулся, – да, гильдии скуповаты, и одновременно нажать десятка

три могущественных врагов.

Я кивнула. Нет, такого сомнительного счастья в интересной пропорции мне точно не надобно.

Ткань на платья – договорились, что их будет три, – Холт позволил выбрать мне самой. Я решила не разочаровывать патрона. Форма так форма. И выбрала темно-серую шерсть, стального цвета шёлк и мышинового цвета, с черными штришками – темнее и мрачнее не нашлось – муслин. Холт покачал головой:

– Отомстили? Ну, вам это и носить.

Переживу. Он же такое носит? Только почему появилось неприятное ощущение, что я сама себя обдурила?

Когда дошло до фасонов, мы чуть не переругались.

– В этом году модны V-образные вырезы... – начал портной.

– Под горло. Круглый вырез, воротник-стойка, – покачала головой я.

– Если пустить кант вдоль шва... – подступил мастер с другой стороны.

– Давайте швы гладкие, без отделки и всяких выкрутасов.

– Так, ньера Алессита, – вмешался Холт, – мерки уже сняты, будьте добры, посидите пока в кресле, полистайте модный журнал. И обратился к портному: – В этом году в столице носят приподнятые плечи и отложные воротники с отделкой ручным кружевом. Я хочу, чтобы вы сшили платья для ньера Алесситы по самому наивысшему разряду.

Хлопнула дверь.

Я обернулась – на пороге с приоткрытым ртом застыла Орсетта. Похоже, та вошла с улицы как раз вовремя, чтобы услышать последнюю фразу. Глаза брюнетки сузились, взгляд остановился на мне:

– Ты! Ты-ы!! Ах ты!!! Платья себе заказываешь, да?! Верни мои деньги!!!

Я оторопело захлопала глазами. Какие такие деньги?

Холт изумленно посмотрел на Орсетту, которая вытянула вперёд руки со скрюченными пальцами, словно собралась на меня прыгнуть и на части разорвать. Обернулся ко мне:

– Ньера Алессита, объясните.

Ну, ладно. Хватит уж с меня политесу.

– Ньер Холт, это – ньера Орсетта. Мы вместе учились. Именно её в мой предпоследний визит на улицу Трёх Жемчужин я застала в голом виде лежащей в одной постели с моим бывшим мужем. Точнее сказать, непосредственно под моим мужем, – прищурилась на бывшую подругу. – Так что за деньги, Орсетта?

– Твой Андреас! Он украл мои сбережения! Вы стоворились! Верни мне мои две тысячи!

О, а экс-гад даром времени не терял! Похоже, большой и чистой любовью и тут не пахло...

– Орсетта, – нежно улыбнулась я, – мне ничего не известно о твоих деньгах. Выясняй это с Андреасом. Я развелась с ним в Храме через час после того, как застала вас в кровати.

Так что мой красавец экс-муж свободен. Забирай! Вместе с деньгами!

– Развела-ась? А он сказал, что не может жениться, потому что ты не даёшь ему развода...

– Повторяю. Мы больше четырёх месяцев как разошлись.

– Выходит... выходит... – рот Орсетты распялился, губа задрожала, – выходит, он мне лгал?!

Мастер, ставший свидетелем сцены, покачал головой.

Как интересно. Её не смущало, что Андреас врал беременной жене. Более того, она сама принимала участие в обмане. Но вот Орсетта оказалась на противоположной стороне – и до чего она обижена!

– Что же мне делать? Алессита, милая, – взгляд голубых глаз остановился на мне. – Может быть, ты мне поможешь? Мы же всегда дружили! Помнишь? Алессита и Орсетта, Орсетта и Алессита... Послушай, одолжи мне немного денег, соленов триста? На время – я обязательно отдам!

– Сожалею, Орсетта, ничем не могу помочь.

– Да, а твой малыш? Всё в порядке? – попыталась подъехать брюнетка с другой стороны. – Надеюсь, он не пострадал из-за той истории?

Я не ответила. Рассказывать этой лживой кошке о своей малышке я не собиралась. Ни к чему.

– Ну, прости меня! Просто это было ужасно несправедливо! У тебя было всё – красивый муж, хороший дом, ты ждала ребёнка... а я? Я? Мне тоже так хотелось! Почему одним

всё, а другим – ничего?

Да, у меня было всё. Таскание тяжелых корзин с рынка и торговля за каждый солен. Зубрёжка и сидение над учебниками до рассвета и отказ себе в самом необходимом. Вот почему люди часто видят результат, завидуют ему – но отказываются платить цену? Почему они считают, что кому-то другому всё далось даром? С неба присвистело...

– Простите, нъера, – голос Холта был сух. – У нас с женой есть другие дела, пожалуйста, не мешайте.

– Ты – замужем? Ты снова замужем?! – Орсетта вытаращила глаза и буквально уронила челюсть.

Вот спасибо, Холт. Похоже, названный муж только что морально нокаутировал мою экс-подругу, как намеренно физически нокаутировал экс-мужа. Талант бить на поражение, однако!

Я, прикусив губу, бросила взгляд на Холта. Тот незаметно подмигнул и заговорил:

– Так вот, уважаемый мастер, по последним столичным модам манжеты должны быть в четыре пальца шириной и отделаны ручным кружевом...

Орсетта, не дослушав, вылетела из ателье, громко хлопнув дверью.

Уф!

– Платья будут готовы через три дня, – сообщил Холт, когда мы вышли на улицу. – Да, я немного изменил цвета

выбранной ткани. Стальной шёлк оставил. Это удачный выбор, он прекрасно подходит к вашим глазам. Шерсть будет тёмно-изумрудного цвета, думаю, оттенок вам понравится. А муслин – всё же это летнее платье – цветным. А сейчас мы зайдём к сапожнику – закажем вам туфли и ботинки для осени.

Не понимаю, зачем ему всё это?

– Лучше купите несколько чистых тетрадей. Желательно точно таких же, в каких мы пишем.

Холт с интересом покосился на меня:

– Дома есть запас.

На сегодня я запланировала сделать две вещи. Первую – чисто утилитарную – для малышки Соль. В дальнем конце кухни, у печки, тетушка Бет протянула две веревки, на которых, как флаги на мачтах кораблей, постоянно что-то болталось и колыхалось. Это сохли пелёнки. Ибо если ребёнок хорошо ест – то всё остальное он тоже делает исправно. Вот я хотела прекратить этот круговорот мокрых тряпок – в дороге полоскать пелёнки будет негде и некогда. А всего-то и надо было, что зачаровать пару подгузников так, чтобы они сами сохли и очищались по мере намочания и загрязнения. Заклинание не простое, но хорошо известное. Были маги, которые сколотили состояние на продаже таких детских принадлежностей. При зачарованных подгузниках пары фланелевых пелёнок и одного байкового одеяла для переезда хва-

тит с избытком.

Второе заклинание было интереснее. Маги пользовались им для точного воспроизведения учебников, дневников и разных документов, описка в которых могла привести к роковым последствиям. А ещё подрабатывали, копируя завещания, грамоты на дворянство, купчие и так далее. К сожалению, заклинание требовало силы тем больше, чем толще был дублируемый исходник. Если же силы не хватало, то воссоздавалась не часть фолианта – допустим, первые двадцать листов, – а фрагменты с разных страниц, причём самым непредсказуемым образом. Могли пропасть даже куски слов или букв, искажая текст до неузнаваемости. А растаскивать толстенные тома на листы и копировать по страничке... ну, это очень, очень на любителя. И то, если этому любителю очень приспичило.

Закончив мудрить с подгузниками, покормив и перепеленав малышку, я спустилась вниз. Что теперь? Люстры или тетрадки? По уму все же тетради. Сегодня могу продублировать данные о нападениях пиратов – там текста немного. А завтра уж, со свежими силами – свод грузовых деклараций.

– Я прикинула, что хорошо бы на всякий случай сделать копии собранных данных, – сообщила я оторвавшему нос от бумаг при моем появлении Холту.

– Вы можете?

– Могу. Сколько экземпляров нам нужно?

– Сумеете три? Тогда всего получится четыре. Один возь-

мём с собой, второй я положу в надёжное место, а ещё два отправлю в столицу. Я и сам думал о копировании, но магический способ в голову не пришёл, а переписывать долго... Позвольте посмотреть?

Пожала плечами. Почему бы нет?

Взяла тетрадь с данными по нападениям, на одну треть исписанную бисерным почерком Холта, и её родную сестру – чистую. Задрала на углу стола вышитую шёлком скатерть и положила тетради одну на другую – исписанную сверху. Открыла книгу, куда Холт немедленно сунул нос:

– Вы понимаете эти кракозямблы?

Язык, на котором маги творили свои заклинания, был отдельной песней. Откуда он взялся – никто точно не знал. Бытовала гипотеза, что маги – они вообще не совсем что-то из этого мира. Или, во всяком случае, раньше жили где-то совсем отдельно. Например, на острове, который взял и утонул. Может, в результате природного катаклизма, а может, виноват был вышедший из-под контроля магический эксперимент. Одно время было модно писать на эту тему романы. Они так и назывались – «утопическими». В финале спасшиеся маги всегда прибывали на большую землю, их предводитель женился на местной красавице-принцессе, а остальные смешивались с коренным населением. Учитель смеялся, говоря, что такое объяснение ничем не хуже любого прочего. Кстати, небольшие магические способности у королевской династии Таристы имели место быть.

Но юных магов этому языку учили как любому иностранному. Ставили произношение, заставляли склонять существительные и спрягать глаголы. И тем не менее в книгах с удручающей регулярностью встречались архаичные обороты и непонятные навороты, коих было не сыскать ни в одном глоссарии. Кстати, в словарях специально не писали транскрипции. Чтобы те, кто не прошёл обучения в государственных школах, не имели шанса учинить какое-нибудь безобразие. Впрочем, безобразия всё равно иногда происходили, причём самые неожиданные. Например, одна деревенская колдунья-недоучка неведомо как вырастила сопернице густую бороду. И не ей одной. Когда половина женщин села обзавелась нестандартными украшениями, староста поехал в ближайший город за подмогой. Прибывший маг схватился за сердце, когда за околицу его вышла встречать делегация бородатых пейзажников с вилами...

Поэтому сейчас я просто кивнула и честно ответила:

– Большинство.

Положила руки на верхнюю тетрадь и начала читать слова:

– Сирайя шерфанн акринато ритари...

В примерном переводе заклинание значило: «Как две друг на друга тетради похожи, в них буквы похожими пусть станут тоже!» Что хорошо, дополнительных ингредиентов вроде кошачьих усов или порошка из сушеных крыльев нетопырей эта магия не требовала. Следовало просто без ошибок, чётко, вкладывая силу и ставя ударения в нужных ме-

стах, трижды произнести формулу, одновременно удерживая в уме образ зеркала. Всё равно какого. Я обычно представляла овальное, в бронзовой раме с завитушками.

Закончив, отдала тетради Холту:

– Проверьте.

– Однако, нъера! Даже моя клякса на месте!

– Вторую копию сделаю сейчас, а третью – после ужина, – сообщила я.

Дешевле перестраховаться, чем испортить тетрадь. А то скопирую одни кляксы, то-то радость будет!

* * *

Следующий день начался с казуса, достойного названия которому я так и не смогла подобрать. Ибо слов в моём лексиконе, даже нецензурных, для вербализации не нашлось. Только открытый рот.

Челюсть я чуть не потеряла, когда с утра пораньше Холт постучался в дверь моей комнаты и вошёл со здоровенным букетом – можно сказать, охапкой – красных роз. Взглянул на мои вытарашенные глаза, усмехнулся и водрузил принесённое на стол.

Я не нашла ничего умнее, чем тупо спросить:

– Зачем?

Ответом стала поднятая бровь и заявление:

– Посмотрите сами. Письмо прилагается.

Какое письмо? Зачем Холту общаться со мной в письменном виде? Хотя ещё сложнее ответить на вопрос, на кой фиг ему являться ко мне спозаранку с этим колючим венником.

Оказалось, Холт тут ни при чём. Раскрыв розовый надушенный конверт с парой целующихся голубков на нём, развернула лист – и зарычала, увидев знакомый почерк:

Любимая!

Прости, что я наговорил тебе гадостей! Но когда я увидел тебя рядом с ним, то почувствовал, что схожу от ревности с ума. Я понял, что никогда не буду без тебя счастлив, просто не смогу жить...

И ещё полторы страницы. Читая, хмыкала. Точно, счастлив не будет – ибо честолюбив, а самому сложная магия не по зубам. Вон, с тривиальной миреньей не справился – до сих пор дом воняет. Жить не сможет – не совсем, но тоже верю. Ничего, продаст два камзола, наймёт кухарку и горничную, найдёт любовницу – втроём они меня прекрасно заменят. И проживёт. Но зачем экс-гад столько понаписал – непонятно. Все содержимое опуса можно было уложить в одну короткую фразу: «Вернись, я всё прощу!»

Слов не было. Покосившись на Холта, поинтересовалась:

– Откуда это взялось?

Тот пожал плечом:

– Проснулся утром, поднял жалюзи на окне, а там длин-

ный шест с привязанным... гм-м... презентом. Поскольку адресовано вам, решил доставить по назначению.

То есть бывший не поленился подобраться к дому сзади, причём выяснил, где находятся окна хозяйской спальни. Значит, он думает, что мы спим вместе? Это хорошо...

– Я вижу, ньера, вы не очень рады?

– Да нет. Просто изумлена, что он вдруг столько денег на меня потратил. Хотя розы в конце лета в нашем климате... – я тоже пожалала плечами, не договорив. – Ньер Холт, если вас не затруднит, отдайте цветы Бет. Розы ни в чём не виноваты, а Бет, думаю, букет порадует.

Наставила палец на письмо, пробормотав: «Пирашш-нр!» – и листок с конвертом на полу превратились в белые хлопья пепла. Сразу, без огня.

– Можно спросить? Почему вы так злы на него, ньера? Из-за измены?

– Нет. Измена стала последней каплей. Но он был готов сделать ребёнка лишенцем ради двухсот соленов.

Холт помрачнел. Кивнул, сгрёб розы и вышел из комнаты вон.

Через четыре дня и четыре утренних веника от экс-супруга мы покинули Салерано. Я сделала почти всё, что хотела: люстры в доме сияли как в день, когда их впервые прицепили к потолку. Но важнее было то, что белесая муть в глазах тётушки Бетани сменилась лёгким туманом. Вылечить её со-

всем мне не удалось – может, не хватило сил, может – умения. Но добрая женщина каждые пять минут порывалась меня расцеловать и утирала слёзы, глядя на кружащих в небе чаек, – оказывается, она не могла разглядеть птиц уже больше пяти лет и успела позабыть, как те выглядят. Мы договорились переписываться – сейчас Бет это было вполне по силам. Кстати, учителю я сообщила, что переезжаю в другой город. Как появится адрес – дам о себе знать. И от него как раз пришло письмо, которое, по недостатку времени, я сунула нечитанным в карман.

На мне было новое платье из лавандового муслина с отделкой из золотистого кружева и летний капор с широкими лентами в тон. Если честно, надев этот наряд и заглянув в зеркало, я сама поразилась. На минуту даже показалось, что я почти красавица. Малышка в волшебном подгузнике удобно устроилась в затянутой кисеёй корзине у меня на руке.

Погода была превосходной для путешествия – бегущие по небу быстрые кучевые облака, но без дождя. Последний раз поцеловала Бет, в сотый раз поклялась писать так часто, как смогу...

– Ньера, карета ждёт, – поторопил меня стоящий в дверях Холт.

И не только карета. Эмиссара короля с семьёй сопровождал десяток гвардейцев. А наших псов мы оставили Бетани – поедем потом в столицу – тогда уж прихватим их с собой. Отъезжая, оглянулась на крыльцо, рядом с которым кур-

чавилась в глиняном вазоне пышно разросшаяся алая герань. До свидания, Салерано! Теперь наш путь лежал на север, в Паэнью – самый северный и самый большой порт страны. Там нам предстояло задержаться на месяц или полтора – уж как пойдёт расследование...

До вечера я была счастлива. Карета на мягких рессорах чуть покачивалась на ровной дороге, малышка спала под мерный перестук копыт, я дышала свежим воздухом и рассматривала сады, поля, посёлки, мимо которых мы ехали. Холмы с оливковыми рощами, низкие каменные изгороди вдоль дороги, белые дома с крышами из красной черепицы, работающие в полях и на виноградниках крестьяне. Картина солнечного мира и привычного процветания...

Гром грянул, когда вечером мы остановились в придорожном трактире на ночлег. Нам с Холтом, как мужу с женой, отвели общую комнату. Он, казалось, не возражал. Я тоже пожала плечами – не храпит, не пристаёт, даже не разговаривает. Так чего напрягаться? Вот я и не напрягалась, пока не распечатала письмо от учителя.

«Привет, ученица!

Рад был узнать о рождении твоей дочери. Ты как, ещё не надумала вернуться в Виэню? Я и аспирантура тебя ждём. Помнишь, мы мудрили с погодной магией? Появились новые соображения, но в письме этого не рассказать, нужно по-

казывать.

Я слышал о происшедшем в Салерано. Хорошо, что всё обошлось и ты не пострадала.

Да, я получил от Раиндэлла лен Холта на хранение пакет с бумагами. Думаю, тебе следует знать, что он открыл два счёта в Центральном Королевском банке – один на твоё имя, а другой на имя Сонеали лен Холт, на десять тысяч соленов каждый. А ещё отписал на твоё имя кусок земли недалеко от Лореции. Рад за тебя. Кстати, я хорошо знал его отца и помогал тому в паре сложных расследований.

Только держи ухо востро. Если Холт-младший такой же хитрец, каким был его папаша, ты сама не заметишь, как окажешься втянутой по уши в его дела.

Пиши почаще и дай знать, как соберёшься сюда. Флигель свободен и ждёт вас с малышкой.

*Твой учитель,
Рассел лен Дилэнси».*

Вскинула глаза на сидящего в кресле с книгой Холта:

– Ньер! Я прочла в письме учителя, что вы отписали на мое имя целое состояние! Зачем? Зачем эти деньги, поместье?

Лицо Холта было невозмутимым.

– Я обещал, помните, ньера? А ещё я хочу дать вам возможность не думать о деньгах, а заниматься тем, чем нра-

вится. Почему-то мне показалось, что вам будет интересно вести это расследование. – Посмотрел мне прямо в глаза. – И, наконец, мне нужна ваша помощь, нъера.

Я опустила ресницы, чтобы скрыть улыбку.

Кажется, Холт хуже отца.

Часть вторая

Паэнья. Странные сны

Глава 1

После выборов и после женитьбы редко получаешь то, что хотел.

Р. Уилл

Мне было интересно, где мы будем жить в Паэнье. И под каким видом туда прибудем. Вряд ли торжественное явление королевского эмиссара в сопровождении конвоя гвардейцев поспособствует успеху расследования. Ибо, узрев такую радость, все подозреваемые всё равно в чём, погрузив сундуки с несправедно нажитым и похватав в охапку домочадцев, резво дунут за горизонт. Тут как раз граница недалеко...

– Вы ёрзаете, ньера.

И долго он меня этим «ёрзаете» доставать будет? Что бы придумать такого в ответ? До чего меня допекло это «ньера»! Всё-таки прежние непринужденно-дружеские отношения были намного приятнее. А какая радость трястись сутками в одной карете рядом с отстранённо-чужим ньером? Оставалось держать себя в руках и в рамках корректности и ничем не показывать своего раздражения или недовольства.

Спокойно подняла глаза на Холта. Раз сам завёл разговор, так отчего не пообщаться? Солнце уже наполовину погрузилось в дымку на западе, а до «Счастливой подковы», где мы собирались остановиться на ночлег, был ещё почти час пути. Высказала вопросы и получила в ответ:

– Все нужные нам документы уже изъяты под предлогом налоговой проверки. Это было сделано в остальных четырёх портах ещё до того, как начались аресты в Салерано.

Кивнула. Умно, очень умно. С чисто налоговой точки зрения придраться в записях было не к чему, то есть уничтожить бумаги никто бы не стал. И виновным будет не с чего тревожиться. А налоговая проверка – дело неспешное, длиться может месяцами, и никого такая тягомотина не удивит...

– Скажите, а где мы остановимся в Паэнье? – поинтересовалась я.

Ясно, что в гостинице с горой секретных бумаг делать нечего. Всё же расследования надо вести без шума, а не под шепоток половых и горничных, которые в два дня разнесут по всему городу весть, что приезжие зачем-то роются в записях таможи и грузовых декларациях. Значит, снимем дом?

– В городе живёт один из старых друзей моего отца. Поселимся у него.

Замолчал и отвернулся.

Вообще, последние дни я чувствовала какую-то напряжённость в наших отношениях. Но понять, в чём дело, по непроницаемому лицу Холта было невозможно. Решившись,

покосилась на него:

– Вы ёрзаете, ньер.

Всю невозмутимость как ветром сдуло. Уставился на меня с видом разбуженного в полдень филина – сейчас клюнет! Неужели я его зацепила?

– Повторить? – попыталась дожать я.

– Не стоит. Просто размышляю, как долго смогу рассчитывать на вашу помощь, – прищурился и добавил, глядя прямо в глаза: – Как вы относитесь ко мне, ньера?

Сглотнула. Похоже, нарвалась. Ну ладно, сейчас соображу, как выкрутиться.

– Отношусь хорошо, иначе никогда не приняла бы ваш подарок мне и Соль. Я уважаю ваш ум, характер и принципы. Касательно остального, позвольте, умолчу. А помогать буду, пока мы не доведём это расследование до конца. Уйти раньше я могу – и уйду – в одном-единственном случае: если сочту, что Соль грозит опасность. Дочь для меня важнее всего остального.

Он коротко кивнул и снова уставился в противоположное окно.

Обидно. Опять я ничего не узнала.

В Паэню мы въехали ближе к вечеру два дня спустя, как самые обыкновенные путешественники. Гвардейский патруль остался на последнем постоялом дворе, и, если честно, я была рада – уж слишком пристально рассматривал ме-

ня при любой возможности один рослый рыжеватый парень. Можно даже сказать – пялился. То в лицо, то на грудь. Холту я жаловаться не стала – если что, справлюсь сама. Но неприятный осадок остался.

На брусчатке трясло сильнее. Мне хотелось посмотреть город, но Соль проснулась и начала агукать и брыкаться, требуя внимания. Пришлось взять разбушевавшуюся дочку на руки, после чего стало резко не до пейзажей, панорам и прочих городских красот и достопримечательностей. Когда карета наконец остановилась, я вздохнула с облегчением.

– Рейн, как вырос-то!

– Дядя Ленарт!

– Для тебя просто Лен, малыш. А кто с тобой? Что? Ты женат на этой красивой ньере? И уже есть дочка? Когда успел-то! Ну, заходите, заходите в дом! А знаешь, я недавно женился тоже... Сейчас познакомлю с моей Тирисией, ты будешь очарован! Так что я даже рад, что ты при супруге – иначе присутствие в доме такого видного молодого человека заставило бы побеспокоиться! – распахнувший дверь кареты усатый мужчина средних лет лукаво подмигнул. Мол, шутка.

Вообще, встречала нас целая делегация. Хозяин дома Ленарт лен Сертано – симпатичный крепкий мужчина с начавшими сесть висками и военной выправкой и четыре девушки приблизительно одного возраста. И кто из них новобрачная Тирисия? Попыталась угадать – девушки при ближай-

шем рассмотрении были странно попарно похожи: две причёсанные на прямой пробор темноволосые с обрамленными лесом густых ресниц глазами-вишнями и две светленькие, румяные, с золотистыми косами и пшеничными бровями с изломом, как у хозяина дома. Наверное, блондинки – это дочери или племянницы. Но почему тёмных тоже пара? Ах, оказывается, в доме сейчас гостит недавно овдовевшая сестра Тирисии – Анарда. А светленькие Элина и Саня – я предположила верно – оказались дочками хозяина дома.

Всё это выяснилось, пока четыре ньеры, обступив прижимающую к груди корзинку с дочкой меня, ахали и восторгались, разглядывая через кисею Сонеали. Я, за год замужнего отшельничества отвыкшая от переполоха, суеты и шума, которые может устроить даже небольшая компания девчонок, растерялась. Спасибо, Холт шепнул что-то хозяину, и тот хлопнул в ладоши:

– Девочки, девочки, тише! Гости устали с дороги! Проводите их в комнаты и не забудьте напомнить, что ужин будет через час.

Какой-то выскочивший из дома молодой человек уже сновисто помогал кучеру разгружать наши вещи. Одна из сестёр – кто из них кто, я пока не запомнила – повела нас в глубь дома. Я, стараясь держаться в рамках хороших манер, исподтишка бросала любопытные взгляды на обстановку: богато! – мраморный пол, бронза, картины, бархат, высокие потолки, трёх- и пятирожковые светильники там, где я

сама повесила бы однорожковый. И лестница на второй этаж такая, что пароконный экипаж въедет – широкая, пологая, с плавным изгибом широких перил.

По пути я услышала, что нам с мужем отвели две смежные комнаты. Хорошо. Вот только когда двери в наши апартаменты распахнулись, я открыла рот – одна из двух предложенных комнат оказалась очень удобным, просторным, с двумя окнами и камином, прекрасно обставленным... кабинетом! Зато вторая была спальней с кроватью шириной в хороший виноградник. Дождавшись, пока жизнерадостная блондинка – как же к ней обращаться? – закончит объяснения касательно специфики пользования медными кранами в ванной и оставит нас одних, резко обернулась к Холту. Это как? Мы так не договаривались! Ну ладно, при переезде в трактирах нас селили вместе, и я не возражала, потому что понимала – так безопаснее... но жить с ним ещё месяц в одной комнате я совсем не жаждала. Ни размяться, ни переодеться, ни всласть поваляться в постели с книгой...

Холт тоже выглядел озадаченным.

– Поверьте, я не знал, ньера.

И что мне делать с этим «не знал»?

– Я заметил, что в кабинете есть диван, стану ночевать там.

Подошла к двери, соединявшей комнаты, заглянула. Действительно, есть. Только назвать эту деревянную, обитую сафьяном банкетку с гнутыми ручками диваном было бы пре-

увеличением. Узенькая, в три локтя длиной. При росте Холта без малого четыре. Актуальная мебель – «чтобы клерки не уснули». Или пусть ночует, если хочет? Сам же придумал эту дурацкую маскировку насчёт негоцианта с женой в гостях у старого друга!

Прикинула – у меня рост поменьше, но я тоже на этот изыск мебельного дизайна не впишусь. И – однозначно! – вставать с больной шеей каждое утро месяц подряд не собираюсь. И так из-за ребёнка не высыпаюсь! Так что пусть как хочет, а не позже чем завтра этот вопрос решает! Кстати, почему нельзя поговорить с ньером Ленартом – я уже узнала, что тот был капитаном в отставке, сколотившим состояние за морем, – и просто объяснить ситуацию?

– Вы видели, сколько в доме женщин? И весьма говорливых. А ещё есть прислуга... Тогда проще снять отдельный дом. Завтра постараюсь решить вопрос со второй спальней.

Холт говорил сухо, не меняя выражения лица... если б я не видела сполохов в ауре, поверила бы в его спокойствие. Тоже настолько не рад моей компании? Ничего, до завтра потерпит.

Зато ужин мне понравился. Было не только вкусно – за столом царило непринуждённое веселье. Члены семьи перебрасывались шутками, улыбались, рассказывали наперебой о последних городских новостях, пытались втянуть в разговор меня и сидящего рядом с прямой спиной Холта. По ходу

дела я научилась различать Элину и Санию – у первой имелась родинка на левой щеке. Тирисия руководила тремя слугами, подносявшими перемены блюд, как опытный дирижёр. Трапеза текла плавно, без заминок и спешки. И, наконец, в этом доме просто веяло уютом и теплом.

Вернувшись в комнату, поняла, что безнадежно зеваю и засыпаю на ходу. Холт взглянул на меня, кивнул и без слов удалился в кабинет. Я умылась, покормила дочку и легла так, чтобы видеть окно с усыпанным звёздами синим небом за ним. Заснула прежде, чем вернулся Холт.

* * *

Серый неуютный коридор. Каменные стены из огромных блоков, низкие своды, тусклый свет, сочащийся из-за угла. И чувство тревоги, перерастающее в панический ужас. Бегу к повороту... за ним такой же туннель. И ещё один, и ещё... Повороты, ответвления, неотличимые друг от друга сумрачные куски огромного лабиринта. Почему я здесь? Как сюда попала? Что делаю? Не знаю. Наверное, ищу выход. Но отчего же так страшно? Я тут одна? Или нет? Кто бредёт впереди вдоль стены, шаря руками по камням? Холт? Растрёпанный, босой, лицо измученное. Попыталась позвать – из горла не вылетело ни звука. Я могла только смотреть, как он из последних сил плетётся, ковыляет, тащится, поворачивая каждый раз направо. Пока не добрался до коридора, перегоро-

женного массивной решёткой с шипами. Колеблющаяся тень расчерчивала чёрными квадратами серые камни – на стене по ту сторону решётки чадили два факела. Холт в изнеможении опустился на пол рядом с воротами. Обвёл их взглядом. Да, ни калитки, ни замка не видать – наверное, отпирающий механизм спрятан где-то в другом месте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.